

АСО АМИРАНА

Алгоритмы ломаются. Сердца тоже.

КОД:
ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Асо Амирана

КОД: ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

«Автор»

2025

Амирана А.

КОД: ТОЧКА НЕВОЗВРАТА / А. Амирана — «Автор», 2025

Обретя фальшивую свободу после трёх лет за решёткой, Алан поклялся больше не оглядываться назад. Его хакерское прошлое — похоронено. Будущее — только в его руках. Но судьба подбросила ему её. Встреча, которая перевернула всё с ног на голову. Они не должны были встретиться, Но судьба - не алгоритм. Ей плевать на правила. Код: Точка невозврата — это не о взломе компьютеров. Это о взломе души. История для тех, кто все еще пытается остаться человеком — даже когда весь мир тянет вниз.

© Амирана А., 2025

© Автор, 2025

Асо Амирана

КОД: ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

КОД: ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Асо Амирана

Тут не место для красивых слов и наивных надежд.
Тут остались только те, кто понял одну простую вещь —
или ты хозяин своей жизни, или ты расходник в чужих планах.
Здесь нет честных правил.
Есть только сила – физическая, умственная, внутренняя.
Готов ли ты поставить все?
Или снова выберешь роль статиста в чужом фильме?

Глава 1

Как фантазировать о том, что незримо для тебя?

Вот уже больше трех лет я бьюсь в невидимую стену – словно заперт в гулкой, безмолвной клетке. Дни и ночи здесь давно утратили очертания – сплелись в одно вязкое, тягучее полотно. А слово «ночь» здесь звучит особенно зловеще: его можно растянуть до бесконечности. Ночь одного года в этой дыре ощущается как тысяча черных часов. И каждый из них – по-своему невыносим.

Теперь, оглядываясь назад, я уже не способен воспринимать свою экстрадицию в родную страну как удачу. Уж лучше пожизненное заключение в нормальной тюрьме, чем этот ад, который местные без тени стыда именуют «тюрьмой». Иногда, захлебываясь в приступах ярости, я ловлю себя на мысли, что даже пожизненное – это та же смерть, только растянутая на мучительно долгие годы.

Тысячелетиями цивилизация отбирала из своего лона тех, кого называли изгоями. Для них создавали тюрьмы – не столько с целью перевоспитания, сколько для изоляции. Психопаты, насильники, убийцы. Для них не существует учреждений, где они могли бы раскаяться, осознать, исцелить свои души. Их попросту вышвыривают за грань общества, словно ненужный хлам. Оставляют в тени, на обочине жизни. Если они не ломаются под прессом этой системы, их добивают. Тихо. Холодно. Молча.

Среди них нельзя находиться.

Но я здесь. Я среди них.

Уже несколько месяцев мои мысли по кругу вращаются вокруг тем, о которых раньше я не смел даже задумываться: эвтаназия, депрессия... Бессилие. Если бы кто-то сказал мне еще несколько лет назад, что Алан Сафин станет об этом размышлять, я бы рассмеялся ему в лицо. Я был уверен: депрессия – удел слабых, тех, кто сам добровольно сдался, перестал бороться за свое счастье, за свободу... да хотя бы за крохотный клочок душевного покоя.

Когда меня впервые притащили в эту дыру, я просто не поверил, что именно здесь мне предстоит провести десять бесконечных лет. Внешне она выглядела хуже, чем самые ужасные латиноамериканские тюрьмы. А изнутри... хуже некуда. Запах гнили и пота, полное отсутствие санитарии, вентиляции, элементарных удобств. Мерзкая еда и – самое отвратительное – удрушающая перенаселенность.

В первые дни мой мозг отказывался принять реальность. Я повторял себе: «Это не навсегда. Это ошибка. Это не может быть моим домом». Но вскоре иллюзии рассыпались, словно трухлявый пепел. Это был мой личный ад. На целых десять лет.

Три на пять метров. Четыре тела. Моя новая «семья».

Первый – невысокий пузатый главарь мафии лет пятидесяти по кличке Хан. Бритоголовый. Тяжелый взгляд. С первой минуты дал понять, кто здесь хозяин и кто будет задавать правила.

Мое равнодушное, почти презрительное отношение мгновенно задело его болезненное эго. Ответ последовал незамедлительно: с помощью своих шавок он быстро дал мне понять, что тюрьма – это не место для горделивых одиночек. Здесь свои порядки. Я не удивился. Все по классике.

Вторым оказался зеленый, еще пахнувший свободой пацан лет двадцати трех. За хранение и продажу наркотиков получил три года. И, как я понял, еще не до конца осознал, куда попал.

Третий – влюбленный грабитель с драмой на полжизни. Хотя, возможно, я утрирую. Что может быть трагичнее, чем быть здесь? Его взяли на ограблении маленького банка – он пытался добыть деньги для своей девушки. Ирония в том, что отсидел он уже четыре года из пяти. Ему оставалось меньше всех. Если, конечно, судьба не подкинет еще один сюрприз.

Так я оказался заперт в обществе ожесточенного мафиози, незадачливого наркомана и романтика с глупыми мечтами.

Коллекция изломанных судеб.

Каждый – с багажом боли, ошибок и иллюзий. И, наблюдая за ними, я понял: выжить – это лишь половина задачи. Вторая половина – не позволить этому месту стереть свою личность.

На второй день мне устроили «теплый» прием во дворе. Хан оказался злопамятным ублюдком. Он моментально натравил на меня пару своих громил. В результате – сломанные ребра, фиолетовые разводы на лице и багровая сетка синяков. Но... знаешь, это того стоило. Двое из них легли рядом со мной в лазарете с куда более внушительными травмами.

Я никогда не был шкафом. Не был и доской. Ни сила, ни размеры не были моей опорой. Но ярость... Ярость – вот что в тот момент кипело в моей крови. Ярость острее любого ножа. Мне хотелось причинить боль. Всем. Даже тем, кто не имел к моему положению никакого отношения. Словно весь мир оказался виноват в том, что я здесь. Что меня поймали.

В награду за эту стычку меня заперли в карцер на две недели. И, знаете, это был дар. Покой. Защитный кокон из одиночества. Больше никто не пытался «познакомиться поближе». И я мог остаться наедине с собой и своими мыслями.

С тех пор меня начали звать Псих. Я не стал разубеждать их. Пусть так. Здесь быть безумцем – иногда лучший способ остаться в живых.

Я быстро понял: несмотря на то, что все вроде бы держатся стаями, в сущности, каждый здесь остается один на один со своими страхами. Если хочешь выжить – подлизывайся к надсмотрщикам, безукоризненно исполняй их приказы и не высовывайся.

Но, Я не создан, чтобы подчиняться.

Не создан, чтобы провести десять лет в этой вонючей клоаке, сжирая себя изнутри. Это – медленная смерть. Самоуничтожение. Медленное угасание, которое стирает личность, делает тебя никем.

Я отказался.

Если прошлое уже не изменить – я выжму из будущего все. Чтобы здесь, в настоящем, сохранить себя. Свою суть. Свое «я».

Оставаться в этой клетке весь срок казалось мне пыткой похлеще смерти. Да, бывали моменты, когда мне было наплевать. Когда я просто дрейфовал по жизни, как пустая бутылка в океане.

А ведь раньше жизнь имела вкус. Острый. Горький. Сладкий. Соленый. Она переливалась всеми оттенками, которые я начал по-настоящему ценить только теперь – здесь, на дне.

А теперь? Суррогат. И пустота.

Но одно я знал точно: я не останусь здесь на десятилетие.

Я не стану новым Эдмоном Дантесом. И это единственная мысль, которая меня согревала.

Если здесь и был хоть какой-то плюс, то лишь один: пересмотр ценностей. Семья – те, кто должны любить тебя просто за то, что ты есть, – внезапно отвернулась.

У меня больше нет семьи.

У меня больше нет никого.

Глава 2

Где свобода на витрине – души идут со скидкой.

Мы – свидетели того, с какой ошеломляющей скоростью меняется этот мир. Все вокруг ускоряется: технологии, климат, информация, само восприятие жизни. Меняется – и будет меняться. Вопрос лишь в одном: в какую сторону? В светлую или в темную? В сторону осознанности – или разрушения?

Легко поддаваться иллюзии, что мы прогрессируем. Что человечество развивается, эволюционирует, становится гуманнее, мудрее. Но давайте не будем себя обманывать.

На самом деле человек – пожалуй, самый жестокий паразит на этой планете. Существо, которое не умеет жить в балансе. Он уничтожает больше, чем создает. Он присваивает больше, чем заслуживает. Он захватывает, подчиняет, загрязняет – и называет это прогрессом.

Достаточно вспомнить, как во время пандемии, когда миллионы людей по всему миру были вынуждены остаться в своих домах, мир вдруг начал дышать. Воздух стал чище. Реки – прозрачнее. И в венецианские каналы вернулись дельфины.

Дельфины. Эти свободные создания, которых мы давно изгнали своим шумом, топливом и мусором. Они вернулись туда, откуда их вытеснил человек. Этот факт тогда прозвучал как единственная светлая новость на фоне всеобщей тревоги. Маленькое чудо, пробившееся сквозь глухую стену из страхов, потерь и статистики. И если вдуматься – это чудо показало, насколько быстро мир может начать исцеляться – стоит лишь человеку исчезнуть из кадра.

Именно тогда стало особенно ясно: мы не властелины природы. Мы – ее сбой. Слишком алчные, слишком шумные, слишком самоуверенные, чтобы осознать, что не нам здесь принадлежит главное слово.

Может быть, не технологиями, не мегаполисами и не покоренными вершинами нужно восхищаться. А тем, как тишина оживляет жизнь. Как без нас – все начинает дышать.

Когда-то ты смотрел на происходящее глазами ребенка и спрашивал себя: «Как все это вообще возможно? Когда это закончится? Как этот трэш стал реальностью?» Мир казался абсурдом, ошибкой, которую вот-вот кто-то заметит и исправит. Казалось, это временно. Что кто-то взрослый разберется. Что все еще наладится.

Но потом ты взрослеешь.

И с каждым годом становится ясно: никто не придет. Ничто не исправится. И будет только хуже.

Сегодня – это твои лучшие дни. Еще не понял?

Ты перестаешь удивляться. Привыкаешь. То, что раньше казалось дном, становится повседневностью. То, что вызывало шок, – теперь вызывает лишь усталое: «Ну, конечно».

И ты ловишь себя на мысли: это больше не кобздец. Это – норма.

Это и есть наша нынешняя реальность.

Вообще, я всегда считал, что мир создан для борьбы. Люди веками сражались за право жить под солнцем, но не каждому везет одинаково.

Когда нам с братом объявили, что мы навсегда уезжаем в Америку, страну безграничных возможностей и процветания, мы были счастливы. Мы впитывали мечты родителей, и этот переезд стал для нас воплощением их надежд. Переезд в США был давней большой мечтой моих родителей, и о стране возможностей так принято говорить. Но так ли это на самом деле? Если да, то доступны ли всем эти пресловутые возможности?

Теперь у меня есть ответы на эти вопросы. За ярким флагом и лозунгами о либерализме скрываются бесчисленные жертвоприношения и море крови. Америка сегодня больше напоминает на злокачественную опухоль, от которой умерли и умирают миллионы невинных людей. Мы были похожи на индейцев, радостно танцующих при виде испанских кораблей, прибывающих к берегам Атлантического океана. Наивные, они не осознавали, что это не просто гости, а угроза – конец их мира и уничтожение их расы. Вот и мы с братом были как племя, встречающее свой собственный закат с наивной радостью.

Для моих родителей эта система казалась правильной. Они не попали в ловушку самоуничтожения, как мы с братом, но прежде чем столкнуться с реальностью, мы испробовали все ее «возможности». Вы, возможно, посчитаете это несправедливым, но как бы не так: в пекло эту систему с ее сраными возможностями.

Мои родители были хорошо образованными людьми. Папа работал адвокатом, а мама – педиатром. Люди с такими профессиями необходимы повсюду, и, возможно, именно поэтому нам с самого начала везло. С получением иммиграционной визы, грин-карты и, наконец, статуса резидента страны все складывалось как нельзя лучше. Его мать, лечившая чужих детей, не замечая, как теряет своих.

У нее были пациенты, записи, исследования.

У него – температура, тревога и одиночество.

Отец – человек системы. Знал, как спорить, как защищать, как ставить диагнозы правды. Но дома предпочитал молчать. Говорил с Аланом не как с сыном, а как с младшим, не состоявшимся коллегой.

Там не было «горжусь тобой», было – «разберись сам». И не потому, что не любил, а потому, что не считал нужным объяснять.

Их кредо было простым:

«Сначала мои дела, потом остальные. Даже если остальные – твои дети».

Когда Алан попал в беду, они не стали искать правду. Они выбрали статус. Отдали долг. Выжгли фамилию. Стерли связь.

Потому что связь с «преступником» – это риск. А они не рискуют.

Отсутствие глубокой привязанности к родине не казалось им чем-то из ряда вон. Родину невозможно не любить – так принято считать. Как нельзя не любить собственную мать. Но мои родители с легкостью опровергали эту аксиому. Они нашли свое призвание в другой стране, ощутили престиж, вкус социальной лестницы и восторг неофитов. Возвращаться назад они не собирались.

Первые три года мы провели в крупнейшем мегаполисе США – Нью-Йорке, который для иммигрантов и туристов всегда был настоящими воротами в Америку.

Почему же говорят, что любовь с первого взгляда – миф? Сейчас я вовсе не о чувствах к человеку. Я о любви к месту, к атмосфере, к духу города. Нью-Йорк вмиг покорила меня. Этот величественный лес небоскребов, пронзающих облака, этот нескончаемый муравейник людей, вечно спешащих, жующих на бегу, живущих в бешеном ритме. Город, который никогда не спит. На его фоне моя родная Казань казалась провинциальной деревушкой, затерянной во времени.

Какой разительный контраст! Но родителям этот шумный, перенаселенный муравейник был чужд. Они искали уголок тишины и гармонии, чтобы создать более устойчивый и размеренный быт для нашей семьи – вдали от оглушительного гула мегаполиса.

Город ветров. Чикаго стал нашим следующим пристанищем. Забавно, но вопреки расхожему мнению, это прозвище вовсе не связано с капризами погоды. Его нарекли так из-за пустых, напыщенных обещаний местных политиков. Узнав эту историю, я невольно усмехнулся: кажется, во все эпохи и в любом государстве политические болтуны одинаково бездарны. Они мастерски рисуют мосты там, где нет даже намека на воду. Что за издевка над здравым смыслом!

Парадокс, но я, в отличие от большинства, лично познакомился с этой самой политикой. Но об этом чуть позже.

Мой брат Азат был старше меня на три года и всегда казался воплощением противоположности. Пока я оставался тихой тенью, он – горел. Горел всем: боксом, картами, футболом, машинами. У него было море друзей и знакомых, и он словно купался в этом внимании. А я... я зубрил. Пытался подстроиться, быть таким, как он. Мне хотелось хотя бы частично впитать его уверенность, его легкость в общении, его свободу. Но вместо этого я оставался жалкой тенью, пытающейся быть кем-то другим, но не собой.

Я всегда шел следом, словно приставка к его жизни. Где он – там и я. Где он – там и мой мир. Иногда я сам не знал, кто я. Потому что слишком долго примеряешь роли. Быть «удобным», быть «подходящим», быть «успешным». А потом забываешь, кто под всеми этими масками. И нет, я не молчу назло. Мне просто нечего сказать. Я слушаю, наблюдаю, чувствую. А внутри – холод. Просто человек, чье присутствие терпят, но не ждут.

Наверное, именно поэтому мне до судорог хотелось стать взрослым. Не просто казаться им, а быть – с внутренним стержнем, с осознанием себя, с четким пониманием, что я не копия, не фантом, а отдельный, цельный человек. Но, увы, пока реальность беспощадно напоминала: нет. Пока – нет.

Когда-нибудь, я верю, наступит момент, когда мои внутренние страхи, тревоги и бесконечные вопросы: «Кто я? Что я? Для чего я?» – уйдут. Растворятся. И тогда я, возможно, пойму простую истину: быть лучшим и быть счастливым – вещи не всегда совместимые. Часто самые успешные люди – это самые одинокие. Сегодня я это понимаю. Как будто смотрю в зеркало и вижу там не только свое отражение, но и отражение жизни, ускользающей сквозь пальцы. Жизни, в которой каждый шаг – это вопрос и каждый взгляд – вызов.

Однажды, я услышал фразу: «Американцы – нация материалистов». Тогда она пронзила меня, словно игла, и осталась глубоко внутри. Я ведь искал в их жизни что-то большее: мечты, высокие идеалы, героизм. Думал, что за этими вежливыми улыбками и свободой слова скрывается что-то большое, настоящее, светлое.

Но нет. Все оказалось прозаичней. Потребительство. Глянцевые витрины. Сериалы. Голливудские мифы. Все красиво упаковано, но пусто внутри. И когда я это осознал – жить среди них стало проще. Я принял эту систему. Она мне подошла. Просто понял правила игры.

Как-то, в самый обыкновенный день, раздался звонок из полиции. Азат был задержан за участие в митинге против войны на Востоке. По американским законам семнадцать лет – это уже возраст, когда можно составить протокол о правонарушении. Но, когда у тебя отец – адвокат, все иначе. Он отбил его. Отделался брат обычным штрафом. А после – «душевный» разговор в семье о том, что подобное больше не должно повториться. Конечно, все сделали вид, что поверили.

С тех пор Азат стал немного отдаляться. Проводил больше времени с новыми друзьями, многие из которых были значительно старше него.

С детства у него был удивительный дар – он чувствовал людей. По-настоящему. Видел их боль, понимал их страхи. Эта природная эмпатия притягивала к нему и людей, и животных, словно магический магнит.

А я был его антиподом. Если он – свет, то я – тень. Если он – сердце, то я – голова. Если он умеет быть хорошим, то я – просто должен быть умным. По-другому никак.

С годами я начал все больше замыкаться в себе. Мои личные границы стали крепче бетонных стен. Мне стало комфортно в собственном коконе – без лишних знакомств, без ненужных разговоров. Все это было для меня пустой тратой времени.

Быть просто «среднячком» – не про меня. Если уж что-то делать, то делать это лучше всех. Быть универсально развитым, уметь все понемногу – звучит красиво, но, для меня это всегда было бессмысленно.

Я верю в другое: человек может заниматься чем угодно и сколько угодно, но в одном деле он обязан быть безупречным. Настолько хорош, чтобы к нему тянулись. Чтобы ему доверяли. Чтобы его работа была эталоном.

Главное – видеть результат. Не упаковку. Не красивую иллюзию. А реальный, осязаемый результат. Потому что жизнь коротка. И не дается второй раз.

Дважды не умирают.

Глава 3

Тот, кто умеет взламывать – правит.

Тот, кто умеет защищать – выживает.

Человек – весьма изобретательная зверюшка.

Все, что находится перед вами, – влево и вправо, – является плодом человеческой изобретательности. То, что раньше казалось недостижимыми мечтами, сегодня стало явью, и это далеко не предел. Посмотрите вокруг: то, что когда-то воспринималось как чудо, теперь стало обыденным гаджетом. А помнишь, как трепетал, когда тебе подарили твой первый сенсорный телефон?

Мне отчетливо запомнился тот трепет в пятнадцать лет, когда на день рождения родители подарили мне самый крутой компьютер того времени. Я погрузился в этот мир так глубоко, что вскоре забыл о реальной жизни, о друзьях и улице. Я наконец-то нашел свое место! В первое время я дни напролет играл во множество разных игр. Позже я стал увлекаться не просто играми, а задачами, связанными с информационной системой. Я пытался запустить игры, которые не предназначались для меня, обходя их ограничения.

С математикой я всегда был на «ты», поэтому такая задача не вызывала у меня затруднений. Постепенно я начал ставить для себя более сложные цели и с той же легкостью справлялся с каждой из них. Из спортивного интереса и забавы это переросло в стремление превзойти самого себя. Каждый раз азарт становился все сильнее и привлекательнее.

С появлением множества готовых программ, которые позволяли взламывать чужие компьютеры без особых технических навыков, я вскоре решил исполнить свои эксперименты. Первым делом я взломал компьютер родителей. Это оказалось так просто, что вначале я подумал, будто они даже не используют его. Однако эта теория быстро отпала, когда я увидел, как отец постоянно сидит за своим ноутбуком, на котором бережно хранит все данные о своих клиентах.

Потом я решил попробовать залезть в компьютер брата, и это оказалось точно так же легко. После этого я спросил его между делом, насколько надежна его защита. Он с легкой гордостью ответил, что даже самый крутой программист не сможет взломать его систему. Внутри меня зашевелилось желание сказать: «Мой милый брат, не будь столь самоуверенным!» Мне хотелось похвастаться тем, что я могу сделать то, что он считал возможным лишь для элитных специалистов. Но именно в этот момент я понял, чем хочу заниматься.

Я провел собственное исследование и пришел к выводу: одним из самых больших каналов распространения вредоносных программ являются мобильные устройства. Телефоны на сегодняшний день – это самые уязвимые устройства, в которые можно занести практически все что угодно. Компьютеры с доступом в интернет присутствуют в самых разнообразных прибо-

рах, от автомобилей до бытовой электроники, и их уязвимость ничем не отличается от обычных персональных компьютеров.

В школе была одна девочка по имени Эмили, которая, как она утверждала, была влюблена в меня и постоянно преследовала под разными предлогами. А кто расстроиться, когда за тобой ухаживает симпатичная девочка с «выразительными глазами»? Однажды ради спортивного интереса я решил заглянуть в ее телефон и удостовериться в ее «чистой любви» ко мне. Эмили оказалась невероятно влюбчивой девушкой, с большим и открытым сердцем.

Было ли мне обидно, когда я все это узнал? Вовсе нет. Легкий осадок, возможно. В этом хаосе эмоций и подростковых увлечений я все больше осознавал, что в подобных случаях проще всего оценивать людей разумом, а не сердцем. Эмили была хорошей девушкой, но наши пути, как мне казалось, не пересекутся так, как она мечтала.

С другой стороны, выразительные глаза нравятся не только мне – я реалист. Тем не менее я не собирался отсеивать Эмили: у меня были свои планы на нее. Однако выслушивать в школе ее душещипательные заявления о любви без смешка было крайне непросто.

В последний год школы я решил изучить язык Си и всерьез заняться программированием. Баловство со взломами телефонов и компьютеров быстро надоело, и я хотел взяться за что-то более серьезное. Следом последовали взломы аккаунтов, кредитных карт, микроблогов и сайтов вещательных корпораций. Важна была лишь сама цель – знать, что я могу это сделать. Никаких деструктивных действий, таких как изменение паролей, удаление файлов или запуск вирусов, я не совершал. Я выучил UNIX и Си как свои пять пальцев, прочитал множество книг и проводил много времени за компьютером. Самой сложной частью всей этой деятельности было не само проникновение в систему, а оставаться незамеченным.

Вдохновленный тем, что мои взломы остались в тайне, я решил не останавливаться на достигнутом. Поздние ночи были наполнены поисками уязвимых серверов, к которым можно было подключиться в обход защиты, при этом я не забывал уделять внимание вопросам анонимности. Из-за того, что я стал позже сдавать в учебе, родители начали давить на меня, и мне пришлось немного отложить свое хобби, чтобы подготовиться к экзаменам. Поскольку я пока не знал, чем реально хочу заниматься в жизни, выбор в пользу колледжа по IT всех удовлетворил.

Поступить в колледж не составило труда – мои отличные оценки, которые я слегка «подкорректировал», помогли мне в этом. Ну а как вы хотели? Я не святой! Иногда можно использовать свой скрытый талант для себя самого. К тому моменту мой брат уже учился в Иллинойском технологическом университете. Ему давались легко любые предметы без особых усилий, но сам интерес в учебе у него отсутствовал.

Тема с митингами не была единственной, в которой он отличился. За этим последовали более серьезные задержания, но, к счастью, благодаря отцу он ни разу не провел ни дня за решеткой. Я искренне не понимал его тяги к обездоленным, угнетенным и несчастным. Среди них американцев можно было пересчитать по пальцам, чаще он проводил время со знакомыми с Востока и из Африки. Сколько себя помню, во мне никогда не было этого альтруизма. Для меня главное – это я и безопасность моей семьи, а уж потом – остальные.

Возвышенные чувства сопереживания и милосердия мне были не близки. Да, в некоторой степени мне было жалко иногда, но бросаться на амбразуру – это не ко мне. Я верил, что истинное милосердие доступно человеку с богатой душой, умеющему бескорыстно любить и отдавать.

Однажды я стал свидетелем того, как брат настойчиво просил отца помочь выпустить его друга из тюрьмы. Он объяснял, что у друга нет денег для оплаты огромного штрафа. Тот работал на двух работах, жил в одной комнате с женой и с тремя детьми и просто не мог позволить себе выплатить такой штраф. Отец, не желая слышать его просьбы, ответил, что таких историй сотни и он не собирается помогать каждому безвозмездно.

Между ними в последнее время возникло значительное напряжение из-за частых неприятностей, в которые попадал Азат. Эта просьба была, по мнению отца, совершенно бессмысленной, ведь он был материалистом с ног до головы.

Видя, как сильно эта ситуация близка брату, я решил вмешаться и помочь. Я не хотел рассказывать, насколько обширны мои знания в этой области, полагая, что таких просьб вскоре станет больше. Когда я объяснил, что штраф можно оплатить, перехватив деньги с любой карты, а в течение недели его должны выпустить, брат отнесся скептически, но сказал: «Попробовать все варианты стоит».

Это оказалось легко – даже слишком легко. Но опять же, я не хотел вовлекаться с полицией. Через пару дней ко мне в комнату влетел брат с горящими глазами.

– Нет, чувак, расскажи мне, что за машина такая? Как тебе удалось так быстро проверить все это? – хлопая меня по плечу, начал он с восторгом. – Вау! Если именно такому обучают в твоём колледже, то я готов туда поступить незамедлительно! – с широкой улыбкой произнес он.

Мне было приятно слышать такие слова – чего уж скрывать. Но, как я и предполагал, его просьбы на этом не закончились.

На втором курсе я понял, что знаний, которые я получаю, мне недостаточно. Я не хотел просто плыть по течению. Я решил вернуться к самообучению.

Через бездушный компьютер проходит бесчисленное множество информации и огромные возможности. Знания, которые давал колледж, не имели для меня никакой ценности. Что, теперь все бросать и пуститься в свободное плавание? Ну, почти. Если бы я отчислился, то у мамы был бы инфаркт. Поэтому я выбрал заочное обучение. Да, это было немного фейковым шагом, но давало мне возможность учиться как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении – и, что самое главное, в любом месте. Но любая альтернатива мне не подходила, и мой выбор пал на Сингапур как на самую продвинутую IT-страну. С визой пришлось немного повозиться, но в итоге у меня оказалась годовая учебная виза.

В мире, где привычные центры силы размываются, крошечный Сингапур опережает в технологической гонке даже Соединенные Штаты. И это не ошибка статистики – это знак времени.

Азия больше не догоняет. Она диктует.

В страны, где скорость важнее стабильности, где дисциплина не сломлена комфортом, где амбиции не прячут за вежливыми улыбками. Пока Запад тонет в бесконечном рефлексировании, социальной апатии и перекладывании ответственности на государство, Азия работает. Не фыркая. Не жалуясь. Не требуя экологических офисов и четырехдневной недели.

Она трудится. Как муравейник. Бесшумно. Неостановимо.

Меня всегда привлекали страны Азии, особенно Китай – страна, которая не желает жить под колпаком и одна из немногих, кто не подчиняется мировому господству США. Она сегодня настолько сильна, что уже имеет свои амбиции на мировое лидерство. Китай – это мировая фабрика, и обладая такой мощью, кто захочет под чужую дудочку танцевать?

Я уверен, что будущее за Азией. Достаточно взглянуть сегодня на Европу: там уже государство диктует правила, а сами люди. Множество людей не хотят работать так, как это было раньше; они стремятся сидеть дома и получать деньги от государства, трудясь по четыре часа в день. Люди бегут в Европу, будто туда проложена дорога в рай. В глазах – огонь надежды, в чемоданах – страх и усталость, в сердцах – наивная вера, что «там» всё иначе. Там трава зеленее, воздух чище, улицы мощёные золотом, а на каждом углу раздают счастье вместе с социальными пособиями.

Но стоит им пересечь границу – иллюзия трескается. Реальность встречает холодным взглядом чиновника, равнодушием горожан, серыми бетонными стенами лагерей и очередями за подачками. Они сидят на лавках у социальных центров, курят, смеются и ругают ту самую

Европу, куда так рвались. Работы нет, учить язык – лень, детей отправили в школу – и на этом, кажется, миссия выполнена. Дальше начинается вечное ожидание: пособия, бесплатные продуктовые пакеты, талон на одежду. И если вдруг государство даёт меньше, чем хотелось бы, начинается вой: «Как так? Мы же люди, мы же приехали за лучшей жизнью!»

А лучшая жизнь ведь рядом. На стройке, где нужны рабочие руки. В ресторане, где не хватает мойщиков посуды. В клиниках, где нужны сиделки. Но туда идут единицы. Привыкли жить в ожидании жалких евро, словно это манна небесная, словно пара купюр способна заменить смысл, достоинство и самоуважение.

И в этом страшная правда. Не Европа виновата, не чужая страна. Виновата человеческая лень, вера в чудо, привычка надеяться на чужие плечи. Ведь лучшая жизнь – это не география, не новая прописка, не паспорт другого цвета. Лучшая жизнь – это труд, ответственность и умение держаться на ногах, даже когда земля горит под ними.

Да, дело не в Европе. Дело в том, что человек с привычкой просить будет просить везде. Хоть в своей деревне, хоть на чужой улице. В то время как Азия трудится днями и ночами, неутомимо.

Будущее принадлежит тем, кто постоянно стремится к развитию, учится, работает, а не тем, кто лишь лежит без дела и жалуется. В нынешнем мире, где быстро меняется все вокруг, именно активные, целеустремленные личности становятся движущими силами прогресса и инноваций. Они задают тон, и именно такие люди формируют новое обличье мира.

Это нас приучили ждать.

Что кто-то придет. Увидит. Пожалеет. Спасет. Но никто не придет.

И если ты тонешь – тебе не кричат: «Держись!» – тебе кидают в лицо: «Выбирайся сам!»

Правда в том, что никто не обязан тебя вытаскивать. Мир не держит счет твоим травмам. Он не ставит паузу, когда ты разбит. Он просто идет дальше. Без тебя – если ты не встанешь.

Сила – не в том, чтобы быть сильным.

Сила – в том, чтобы быть сломанным, но встать.

Не раз. Не два. Пока не получится.

Когда руки дрожат, но ты все равно поднимаешься.

Когда все кажется бессмысленным, но ты учишься.

Когда все ждут, что ты сдохнешь, – а ты продолжаешь.

Не для них. Для себя.

Сила – это не драма. Сила – это выбор.

Не ныть. Не ждать. Не проклинать.

А делать.

Пусть медленно.

Пусть без аплодисментов.

Пусть с кровью на губах.

Игнорируя силу IT, люди рискуют остаться на обочине стремительно меняющегося мира. Мир каждый день переписывает свои правила, но, несмотря на это, многие по-прежнему воспринимают цифровые технологии как нечто второстепенное, скучное и исключительно техническое.

Ошибка, которая может стоить слишком дорого. После.

Я слегка приукрасил, объясняя семье, что еду на годовую стажировку в колледж. На деле – сам не знал, насколько надолго там задержусь. Одно я знал точно – переезжать навсегда я пока не собирался. Переезд – это всегда бегство. От кого-то. От чего-то. Или наоборот – стремление к новой жизни, к новому «я».

Конечно, мысль о том, чтобы остаться где-то навсегда, мелькала в голове. Где-нибудь начать с нуля, построить все заново, и главное что-то свое. Но пока, пока я не видел в этом смысла. Мне и в Штатах было неплохо. А ради знаний, опыта и впечатлений – пожалуйста. Всегда готов.

Сингапур. Город, где стоимость воздуха измеряется в долларах. Моих сбережений хватило бы разве что на пару месяцев жизни в режиме среднего выживания. Поэтому, я периодически пользовался своим талантом.

По данным большинства киберисследований, до 50% банков до сих пор не способны обеспечить полноценную защиту клиентов от хакерских атак. А значит – рынок уязвимостей процветает. Азия, Латинская Америка, Восточная Европа – трудяги из этих стран сутками без усталости ковыряют слабые места финансовых систем по всему миру.

Мой излюбленный метод? Простой, как ламповый калькулятор. Использование скомпрометированных реквизитов для создания мобильного кошелька Google Pay или Apple Pay. Фишка в том, что большая часть американских банков не требует дополнительной верификации – ни по одноразовому коду, ни через звонок в банк. Получается, что, обладая лишь номером карты, сроком ее действия и CVV-кодом, ты создаешь полноценную виртуальную карту. И с этой картой можно расплачиваться где угодно – от США до Антарктиды. Без следов. Без риска.

Главное правило – не использовать одну и ту же карту слишком долго. Их должно быть десятки. Сотни. И тогда поймать твой цифровой след практически невозможно.

Я называю это «бесконечный хит». Деньги из ниоткуда. Конечно, банки не спят. Их системы безопасности каждый день становятся сложнее и умнее. Но любая защита – это лишь очередная загадка, которую мы способны разгадать. Где есть алгоритм – там есть лазейка. И там, где есть лазейка, – есть я.

Чувствовал ли я угрызения совести? Ни на секунду. Мне было плевать на баланс Вселенной, на философские оправдания. Я делал это не ради справедливости.

Я делал это – потому что мог.

Первое впечатление от Сингапура было странным. Этот город казался неправдоподобно идеальным. Словно не реальный мегаполис, а картинка из футуристического рекламного ролика. Да, он восхищал. Но в то же время вызывал ступор. Здесь не было грязи. Не было нищеты. Все – стерильно, отшлифовано, будто нарисовано. И вместе с этим – ощущение, что ты попал не в страну, а в огромный офшор. Город-фантом, построенный на деньгах и для денег.

Но зелень... О, этой зелени я не ожидал. В буквальном смысле – повсюду. На крышах небоскребов. На стенах домов. На мостах. По перилам тянулись лианы, тропические деревья ломались от плодов, воздух пах свежестью. Это был не мегаполис – это был тропический оазис, прикидывающийся городом.

Фантастически. Даже сказочно. Но иллюзий я не строил. Здесь нет чуда. Здесь – просто дорого. Очень дорого.

На одной из местных закрытых IT-вечеринок я познакомился с парнем по имени Дао. Таец. Типичный азиат. С первого взгляда – обычный паренек, одетый как подросток из какого-нибудь Сеула. Ярко выделялся на фоне местных в строгих пиджаках и кричащих галстуках.

Позже оказалось, что он старше меня на целых пять лет. Но внешне – казались одногодками. Вечно растрепанные волосы, будто он только что встал с кровати. Квадратные очки с толстыми линзами. И рост, рост у него был ниже среднего, что еще сильнее добавляло образу какой-то мультяшной неловкости.

Дао сразу поразил меня своей отчужденностью. Он держался в стороне, словно ему физически больно быть частью этой шумной толпы. Даже когда ему вручали награду за прорыв в области кибербезопасности, он просто молча поднялся, кивнул, взял стеклянную статуэтку и ушел обратно на свое место, не сказав ни слова.

Сначала я подумал: «Наверное, английский у него хромает». Но ошибся. Он говорил уверенно, хоть и с мягким акцентом. Просто был из породы людей, для которых слова – пустой расходник. Они предпочитают результат.

Ирония судьбы. Мы с ним – по разные стороны баррикад. Я – хакер, выискивающий слабые места в системах. Он – гений, создающий алгоритмы, чтобы эти системы укреплять. Но, видимо, даже противоположные миры иногда пересекаются. В одном месте. В одно время. По какой-то неведомой прихоти судьбы.

В современном мире ежегодно совершается более двух миллионов киберпреступлений. И вдумайтесь: 98% компаний честно признают – их системы безопасности не выдерживают требований времени. Они дышат на ладан. Они пронизаны дырками, как сито. И именно поэтому по всему миру ежедневно идет тихая война.

Не за нефть. Не за золото. За данные.

Компании охотятся за теми, кто умеет находить и устранять уязвимости. За такими, как Дао. Их называют – белыми хакерами. Этическими. Теми, кто стоит по правильную сторону брандмауэра. А правильная ли она? Не мое дело.

Услуги этих ребят стоят безумных денег. Настолько безумных, что позволить их себе может далеко не каждый. Государственные спецслужбы, глобальные корпорации, банки, технологические гиганты – вот их клиентура. Частному человеку о таком остается только мечтать.

И среди этого элитного сообщества Дао занимал место не просто первого ряда. Он был там, где вершины уходят в облака.

Он был настолько хорош, что с ним сотрудничали ЦРУ, ФБР и даже Интерпол. Всегда дистанционно. Всегда анонимно. Он никогда не встречался с заказчиками. Никогда не появлялся лично. Дао следовал одному простому принципу: «Максимальная безопасность начинается с отсутствия лишних лиц и ненужных встреч».

Хотя, назвать его дом «квартирой» – все равно что назвать космодром – «гаражом». Его двухуровневый пентхаус в самом сердце Сингапура был скорее храмом цифровых технологий. Одно из помещений полностью занимали стойки серверов, компьютеры всех поколений – от допотопных артефактов начала двухтысячных до топовых машин, которым позавидовал бы любой дата-центр.

Каждый угол этого пространства дышал электричеством. Мониторы, мигающие огнями. Панели с кодом, текущим по экрану, словно кровь по венам. Провода – как корни. Цифровой лес. И Дао в этом лесу – уникал.

При всей своей скромной, почти аскетичной натуре жил он роскошно. Две машины – одна спортивная, другая для виду. Пентхаус с панорамными окнами, через которые город ночью выглядел как сверкающий материнский чип. В Сингапуре, где метр квадратный стоит дороже человеческой души, такое жилье могли позволить себе только мультимиллионеры.

Но вот что по-настоящему поражало: Дао был абсолютно равнодушен ко всему этому. Машины покрывались пылью. Рестораны и клубы его не интересовали. Даже собственную роскошь он воспринимал скорее как случайное побочное следствие своей работы.

Единственные, о ком он заботился по-настоящему, – это мама и младшая сестра. Им он регулярно переводил суммы, от которых любая бухгалтерия плакала бы кровавыми слезами. Остальное его не волновало.

Его жизнь начиналась и заканчивалась в его комнате с компьютерами. Это была его стихия. Его кислород. Его смысл. Он любил риск. Но еще больше любил обходить риск. Играть с ним. Манипулировать. Ловить за хвост. Как кот играет с мышью. Только мышь в этом случае – сама жизнь.

И вот мы сидим. Он – по одну сторону кибербаррикад. Я – по другую. Парадоксально. Почти комично. Но именно в этой точке пересечения я понял: мы с ним гораздо больше похожи, чем казалось на первый взгляд.

Глава 4

Ты либо пишешь правила, либо живешь по чужим.

Мы объединились не по зову сердца. Не по наивной дружбе и не из добрых побуждений. По интересам.

По коду – буквальному и метафорическому. Он был между нами с самого начала, пульсируя в строках, пересылаемых ночью.

Я всегда верил: пока человек жаждет знаний, он не умирает. Он ищет. Грызет реальность, разбирает ее по битам.

Может, именно поэтому мы и держались за это – за поиск, за процесс, за цифровую одержимость. Судьба? Не уверен.

Цифровая неизбежность – скорее. Алгоритмы видят нас лучше, чем мы себя.

Пока мы смотрим в экран, они уже разобрали нас на привычки, желания, слабости. Он знал обо мне все еще до того, как я нажал «привет». Не стоит быть наивным. Здесь не бывает «просто так». Не бывает «душевной близости» – есть совпадение формул. Не бывает «знаков свыше» – есть точные расчеты.

Алгоритмы давно все решили за нас.

Но мне было плевать. Все, что имело значение, – результат.

Если об этом помнить, то любое разочарование жизни воспринимается легче. Жизнь научила меня идеально балансировать на лезвии крайностей: любить – но держать дистанцию. Надеяться – но всегда готовиться к худшему. Верить – но никогда по-настоящему не доверять. Это – мой личный снимок реальности.

Почему Дао предложил мне пожить у него – вопрос, на который я не искал ответа. Да и зачем? Меня это не интересовало. Нам было комфортно вместе. Абсолютно. Два самых неопытных человека в огромном, роскошном пентхаусе – идеальная модель сосуществования. Девушек у него не было. По крайней мере, я не заметил. И ничуть не удивился.

Год. Год абсолютного погружения в мир чисел, кодов, криптографии. Год, когда я понял: все, что я знал о программировании до встречи с ним... это был детский лепет. Главный урок, который он дал мне, был до гениальности прост:

«Не важно, что ты делаешь. Важно – не попасться».

– Запомни, – как-то сказал он, – если друзья назовут тебя хакером – знай: ты уже труп. Настоящего хакера никто не видит. Никто не слышит. У него нет друзей. Кроме одного. И это – его компьютер.

Он показал мне, как вскрываются сайты банков и государственных структур. Как взламываются защищенные сервера. Как перехватываются военные секреты. Но куда важнее этого – он научил меня, как защитить себя в этом мире, где тебя может убить не пуля, а строка кода. А также открыл глаза на важные аспекты, которым я раньше не придавал значения. Например, как работает крупный рынок.

– Пока ты думаешь, что выбираешь, тебя уже купили. Купили по акции. В рассрочку. Через удобный интерфейс.

– Это ты о чем?

– О памперсах.

– О чем?

– Памперсы – это метафора. История, где Амазон сжег миллионы в месяц, просто чтобы убить конкурента и потом драть с людей втрое больше.

– Жестко.

– Добро пожаловать в рынок.

Как-то Амазон пригласил крупного производителя памперсов торговать на своей платформе. Собрал статистику, проанализировал спрос. А потом запустил собственную линейку – копию того же товара. Начал продавать ниже себестоимости, теряя по 200 миллионов долларов в месяц. Но запас капитала у них был в десятки раз больше. Они ничего не теряли.

Через несколько месяцев производитель не выдержал: продажи обрушились, он обанкротился и был выкуплен все тем же Амазоном. После этого цены тихо вернули на прежний уровень – а вскоре и подняли.

Так умирает конкуренция. Так рождаются монополии.

Свободный рынок? Нет. Это – продуманная война, где побеждает не тот, кто лучше, а тот, у кого длиннее дыхание и свои сервера.

Через год я вернулся в Чикаго. Но это был уже не тот Алан, что уезжал. Я приезжал к нему еще много раз. Жил у него месяцами. А между этими визитами мы начали путешествовать.

Сначала Дао фырчал – мол, зачем? Мир грязный. Люди надоедают. Но постепенно втянулся. Сначала Япония. Потом Южная Корея. Австралия. Чили. Италия. Канада. И скоро он сам уже прокладывал маршруты, разрабатывал планы поездок, как программы: с точностью до минуты.

Не зря говорят: мы становимся похожими на тех, кто нас окружает. Но в одном мы с ним были абсолютно разными. Любовь. Дао верил в нее. В настоящую. Единственную. На всю жизнь. Был готов ждать ее хоть до старости, хоть до самой смерти.

А я, для меня это был миф. Иллюзия. Удачная маркетинговая концепция, на которой веками зарабатывают писатели, музыканты и кинематограф. Психологический наркотик, чтобы людям было веселее рожать детей и вместе платить ипотеку.

Любовь? Если есть – прекрасно. Если нет – еще лучше.

Сколько себя помню, у меня никогда не было тяги к этим розовым играм. Отношения? Один раз. Один-единственный. Все остальное – мимолетные, ненужные интрижки. Пустой шум.

К тому моменту я уже заканчивал учебу. Выпуск, защита, экзамены – все это казалось до нелепости простым. После Дао ничего не казалось сложным.

Я знал одно: работать в компаниях я не буду. Никогда. Ни в каких фирмах, офисах, корпорациях. Я не создан для того, чтобы кто-то мне говорил, что делать. Мое место – вне системы.

Мне нужно было свое гнездо. Своя база. Своя территория. Но – без грязи. Без криминала. Без перехвата карт и мошенничества. Дао показал мне, что есть тысяча способов использовать свои навыки и спать при этом спокойно.

Первые заказы он скинул мне сам. Потом клиенты начали находить меня сами. И какие клиенты. Адвокаты. Прокуроры. Чиновники. Политики. Юридические акулы. Медийные личности. Звезды.

Заказы были самыми разными: взлом баз данных, поиск компромата, доступ к закрытой почте, поиск местоположения нужного человека, восстановление утраченной информации, вывод средств. Любой каприз – за ваши деньги.

Через два месяца я съехал от родителей. Азат жил отдельно давно, наше общение сведено к редким звонкам. В отличие от родителей, он со мной не порывал. Они же, они списали его в разряд разочарований. Последней каплей стало его исключение из университета на последнем курсе. Они никогда не простили ему этого.

Я знал, что он общается с ребятами с Востока, из Африки. Родители были уверены, что это секта. Что он сошел с ума. Я – не верил в их панические бредни. Азат был человеком с четкими принципами. Со стержнем. Его решения заслуживали уважения. Даже если они шли вразрез с чужими ожиданиями.

Работы было столько, что три года пролетели как шелчок. Я накопил достаточно, чтобы позволить себе не просто жилье – мечту. Место, которое будет только моим. Где обо мне не знает никто.

Страна? Австралия. Без вариантов.

Почему? Простое уравнение: природа + малонаселенность + высокая экономика + минимум лишних людей = идеальный сценарий.

Я никогда не видел себя в картине с семьей, детьми, барбекю на заднем дворе. Для кого-то это смысл жизни. Для меня – клетка.

Не каждый рождается для семьи. Не каждый рождается, чтобы быть «частью» чего-то. Если ты это чувствуешь – не лезь туда. Не пытайся примерить чужую жизнь.

Мой путь другой. Уединение. Гармония. Пространство. Свобода.

Только так я был настоящим. Без масок. Без костюмов. Без чужих правил.

Конечно, иногда совесть шептала. Я находил доказательства, которые топили карьеры. Обрушивал репутации. Ломал жизни. Выводил на свободу тех, кто, быть может, этого не заслуживал. Иногда – наоборот.

Каждый раз, подавляя голос внутри, я обещал себе: «Все. Последний раз. Завтра закончу». Завтра. Но мне так нравились легкие деньги. Не потому, что я был алчным. А потому, что был свободным. Потому что мог. Потому что знал, как.

И если вы думаете, что деньги меняют человека – вы ошибаетесь.

Деньги никого не меняют. Они лишь подсвечивают то, что в вас уже есть.

Кто был разрушителем – разрушает.

Кто был созидателем – строит.

Кто был крысой – начнет прятать.

Кто был щедрым – станет дарить.

Именно то, как вы распоряжаетесь возможностью, – показывает, кто вы есть на самом деле. Я всегда знал: за свое безразличие мне однажды придется платить.

Не деньгами. Не потерей чего-то материального.

А собой.

В Бога я верю. Не молюсь. Не прошу. Просто знаю – Он есть.

А мечты? Их больше нет. Осталась только система. Коммерция. Матрица.

Все имеет цену. Даже тишина.

И если ты живешь, как я, – готовься. Платеж придет. Всегда.

Глава 5

Живи в моменте и получай удовольствие.

Эта фраза давно стала моим кредо. Но пусть вас не обманывает ее легкомысленное звучание. Жить в моменте – не значит убегать от ответственности. Иногда это значит – быть в самой гуще событий. Среди людей, среди систем, среди тех, кто пытается ломать правила, и тех, кто их придумывает.

Да, иногда я общался с клиентами напрямую. Лицом к лицу. Без экрана, без шифрования, без прокси. Это всегда было рискованно. И... захватывающе. Именно так я оказался втянутым в странные, полусекретные тусовки. Где политика и криминал плавно пересекались с активизмом и анархией. Где идеалы мешались с деньгами, а лозунги – с откровенным безумием.

Все изменилось в одну ночь.

Зазвонил телефон. Мама. Я сразу понял – что-то не так. Даже по дыханию. Даже по тому, как дрожал ее голос.

– Ала-а-ан... – голос срывался, захлебывался. – Мы потеряли его... Азат... Он уехал. Он... он бросил все! Он улетел из Чикаго. Сказал – в Нью-Йорк. Спасать мир... Представ-

ляешь?! СПАСАТЬ МИР! Эти... эти мигранты... они забрали его! Они промыли ему мозги! Сделали из него какого-то революционера! Верни его! Верни НАШЕГО мальчика!!!

Она кричала, всхлипывала, вцеплялась в телефон так, словно могла вытащить меня через динамик. Слова срывались в кашель, в слезы, в истерику.

Я сорвался домой. Мчался, не разбирая дороги.

Мама лежала прямо во дворе. Просто... лежала. Глаза в небо. Слезы по щекам. Я подбежал, попытался поднять ее, но тут началась истерика. Она вцепилась в мои плечи, словно я был последним якорем в этом мире. Повторяла одно и то же:

– Найди его. Найди. Верни. Спаси.

Рядом метался отец. Говорил по телефону. Звонил, кому только мог. Словно верил, что его связи еще хоть что-то могут изменить. Что можно откатить время. Переписать сценарий. Вернуть все обратно.

Но я знал. Если Азат решил – он идет до конца. Никакие звонки, никакие слезы его не остановят.

Кто-то бы сказал: кризис. Подростковый бунт. Игра во взрослую жизнь. Нет. Я знал Азата. Он никогда не играл. Чужая боль для него – как своя. Проходила сквозь кожу. Сквозь кости. Сквозь сердце. Он не умел отстраняться. Не умел говорить: «Не мое дело». Если он ушел туда – в эту тень, он не вернется. Даже если его найдут. Даже если спасут. Потому что он не ищет выхода. Он ищет смысл.

Через сутки у мамы случился инсульт. Правую часть лица повело. Одна сторона застыла, будто восковая маска. К счастью, паралич отступил через несколько дней, но внутри она сломалась. Сгорела. Страх и паника прожгли в ней дыру.

Она каждый день по сорок раз смотрела в зеркало. Проверяла: вернется ли этот перекосяк. Станет ли она снова «красивой». В свои пятьдесят одна мама выглядела великолепно. Всегда трагично тратила силы, время и деньги, чтобы выглядеть моложе. И болезнь стала для нее не просто ударом. Началась череда врачей. Психотерапевты. Антидепрессанты. Бессонные ночи. Таблетки. Новые таблетки. Еще таблетки.

В Европе и в Америке сегодня почти каждый второй – на колесах. У кого утро начинается с кофе и круассана, у кого – с серотонина в таблетках. Вместо исповеди – прием у терапевта, вместо молитвы – рецепт на антидепрессанты. Главное – не бросать резко, а то начнешь чувствовать. Если раньше люди прятали фляжку под пиджаком, теперь – блистер с «счастьем» в кармане. Не грустишь? Значит, не диагностирован. А если вдруг счастлив – проверь дозировку, возможно, передоз.

Я помню один забавный случай. Он был политиком. Улыбался ровно, говорил красиво, обещал с уверенностью серийного обманщика. Все знали: у него всегда есть ответ. На любой вопрос. Кроме одного.

– Почему вы постоянно шуритесь на камеры?

Ответа не последовало. Потому что в тот день он забыл принять таблетки. Пропустил дозу. Всего одну.

К обеду он уже сидел в туалете парламентского здания и шептал в экран выключенного телефона, что мир подменили, что охрана – это агенты, а кофе – отравка.

Вечером его пресс-служба выпустила заявление: «Министр перенес легкое недомогание. Переработал. Временно отстранен по собственному желанию».

А в коридорах потом долго смеялись:

– Представляете, как хрупко все держится? Всего одна таблетка. Один грамм химии – и вся ваша стабильность рассыпается, как макияж под дождем.

Через пару недель я решил – хватит ждать. Сам найду его. Сам разберусь. К моему удивлению, Азат не сменил ни телефон, ни мессенджеры. Это сократило время.

Первое сообщение:

– Брат, ты там вообще жив? Все нормально?

Ответ пришел глубокой ночью:

– Живее всех живых. А у вас как?

Без обиды. Без нервов. Словно он сидит в соседней комнате.

Я сразу рассказал ему все: про insult мамы, про то, как отец сходит с ума, обзванивая всех подряд. У него постоянно пропадала связь. Из его сообщений я понял – он присоединился к группе активистов. Гражданские протесты. Борьба с системным расизмом. Социальное неравенство.

Америка в хаосе.

Люди уходили жить на окраины. Боялись выходить из домов. Общество трещало по швам. Все могло вспыхнуть в любой момент. Для Азата это было не просто протестом. Это было перерождение. Переосмысление. Новый смысл жизни.

– Когда ты вернешься? – спрашивал я.

Он уходил от ответа. Упорно. Снова и снова. Однажды мы впервые созвонились по видео.

– Азат... это благородно. Может, где-то даже правильно. Но, ты серьезно? Так глупо жертвовать своей жизнью? За людей, которых даже не знал вчера? – я говорил спокойно. На самом деле сдерживал бешенство.

Он усмехнулся. Легко. Почти ласково. Глубоко вдохнул.

– Это не альтруизм. Это нечто большее. Это зов. Зов человечности. Я чувствую, что должен быть здесь. Понимаешь? Я не могу иначе.

– Серьезно? И что изменится, если ты сгоришь там один? Остановишь расизм? Сломает систему? Сколько до тебя уже пытались. Где они теперь? Их имена забыты. Их могилы безымянны. А ты там один. Один, Азат.

Он молчал. Но молчание было громче слов.

– Алан, ты пацифист. Я знаю. Но послушай меня. Мировой порядок – это миф. Мировой хаос – куда ближе к истине. Нам навязали картину, где мы – вечные жертвы. Где справедливость – игра в чью-то пользу. История – это не борьба за правду. Это просто документированное насилие. Рабство. Колонизация. Уничтожение целых народов. Это и есть цивилизация.

– Но ты не изменишь этого. Мир тебя сожрет.

– Может быть. Но я начну с себя. Без лозунгов. Без фанфар. Я такой же, как и все, как Нельсон Мандела, Малкольм Икс, как Мухаммед Али. Отличие только в одном – в вере. В готовности идти до конца. И пусть мне кажется, что я капля в океане, но, брат, вспомни: из капель и состоят океаны.

Он замолчал. И вдруг почти шепотом:

– Я скучаю по вам. Но не вернусь. Это не каприз. Это выбор. Осознанный. Мне не страшно. Мне не стыдно. И если мой путь закончится здесь – я приму это без сожалений.

Где-то внутри у меня что-то оборвалось.

Что значит – «закончится»?

Нет. Ни за что. Я не позволю. Не позволю ему погибнуть. Плевать на его красивые слова. На его философию. Это мой брат. Один. Единственный. И я его не отдам.

Я набрал в грудь воздуха. И, почти умоляя, сказал:

– Тебе ведь не обязательно ради этого быть ТАМ. Ты можешь помогать отсюда. Ты сам говорил – я гений компьютеров. Давай вместе. Мы можем быть полезны. Без риска. Без риска для жизни.

Он тихо рассмеялся. Тепло. Почти с нежностью.

И мне стало страшно. Он не передумает.

– А ты никогда не спрашивал, чем я занимался все эти годы, да? Тебе, как и родителям, было удобно не видеть. Пока вы чувствовали себя в безопасности – вам не нужно было знать. Помнишь Юсуфа? Которому ты помог? Его жена потом устроила ужин. Поблагодарить тебя.

– Конечно, помню... – сжал зубы я.

– Их больше нет.

Мир резко замер.

– Ч-что значит – нет?

– Полицейский рейд. Ошибочный адрес. Ему вменили хранение наркотиков. Ошибка базы. Ворвались утром. Без ордера. Юсуфа скрутили в коридоре. Его жена пыталась объяснить, что это ошибка. Ее увезли с сердечным приступом. Она умерла через два дня в больнице. Юсуфа до сих пор держат. Без доказательств. Без суда. Без права.

Говорил он спокойно. Почти отстраненно.

А я... перед глазами вспыхнули сцены:

...улыбки за столом.

...дети, заглядывающие из-за штор.

...пирог в контейнере, который она давала мне «на потом».

А теперь ее нет. Юсуф в тюрьме. Дети... неизвестно где.

– Они, скорее всего, в опеке. Разбросаны. Самому старшему было всего четырнадцать, – почти шепотом добавил он.

Я сжал телефон так, что пальцы побелели.

– Азат... Мне жаль... Мне жаль их всех... – голос срывался.

– И мне жаль. Вот поэтому я здесь. Потому что это – не ошибка. Это система. Ты ведь все еще думаешь, что я перегибаю, да?

– Был мальчик. Пятнадцать лет.

Он работал в супермаркете – фасовал товар после школы. Тихий. Вежливый. Любил биологию, мечтал стать ветеринаром. Потому что, как он сказал однажды, «животные хотя бы не смотрят на тебя как на мусор».

Представляешь? Пятнадцать лет – и уже усталость от того, как на тебя смотрят.

Однажды он вышел вечером – купить молоко. Для младшей сестры. Не шел – бежал, чтобы не закрыли магазин. И знаешь, что было дальше?

Полицейский, проезжавший мимо, увидел «подозрительного подростка».

Темнокожего. С пакетом в руках. Бегущего.

Этого хватило. Он выстрелил. Не в воздух. Не в ногу. В грудь. Прямо. Навылет.

У мальчика даже не было времени испугаться.

Он умер с пакетом молока, разлитым под его головой. На асфальте. Под вечерним дождем.

Знаешь, что было потом?

«Стрельба обоснована. Подозрение на вооруженное ограбление. Камеры не зафиксировали оружия. Проводится проверка».

Проверка. А его мать... Она приходила на то место каждую ночь, неделями. Сидела рядом. С клочком ткани, пропитанной его кровью. С тем самым пакетом, который так и не успел попасть в руки его сестры.

Я стоял рядом, Алан. И ничего не смог сказать.

Потому что когда правда вот такая – голая, хрупкая, залитая кровью, – слова становятся бессильны. Ты просто стоишь и дышишь медленно. Чтобы не разорваться изнутри.

Вот почему я здесь. Вот почему я не могу вернуться.

Это – не борьба. Это – долбаная необходимость.

Он замолчал на секунду. Потом добавил:

– Здесь мне не нужно искать оправданий, чтобы чувствовать себя живым. Здесь я – на передовой. В протестах. В уличных патрулях. В помощи тем, у кого отняли голос. Ты думаешь, я трачу себя впустую? Возможно. Но я надеюсь, что однажды кто-то потратит себя ради меня.

И если сейчас я все брошу – я потеряю слишком многое. Эта дорога должна быть пройдена до конца.

Связь оборвалась.

Я стоял на балконе. Телефон в руке – ледяной. Сердце – камень.

«Сила и вера».

Эти два слова еще долго будут греметь в моей голове, будто набат.

Глава 6

Отчего стало совестно жить?

Хотелось бы сказать, что наш разговор с братом меня не задел. Что через пару дней я уже спокойно дышал, ел, работал – как обычно. Но я бы соврал. Нагло. Бездарно. Нет. Все оказалось иначе. Мой мозг застрял в петле. Обычные вещи вдруг начали казаться неправильными. Искривленными. Мутными.

Один разговор. Одно событие. Один выбор способен перекрыть реальность целиком.

Не советуясь с разумом. Не спрашивая разрешения у логики. Я стал участником этой борьбы. На своем фронте. На своем поле. В виртуальности.

Родителям пришлось врать. Смотреть им в глаза и говорить: «У Азата все хорошо. Он ищет себя. Найдет – вернется. Обязательно вернется».

Говорил – и знал, что они не верят. Они уже смирились, хотя вслух об этом никто не сказал.

Когда однажды, после долгих попыток, нам удалось до него дозвониться, я предложил:

– Хотите поговорить с ним?

И знаете, что они ответили? «Нет.»

Не злость. Не обида. Просто отказ. Тихий. Пустой. Без слов.

Они знали. Он не вернется. Догадывались. По крайней мере – не скоро.

Его уход стал раной. Не кровоточащей. Нет. Раной, которая затянулась коростой, но не перестала болеть. Словно кто-то вырвал кусок семьи, оставив пустоту, которая никогда не заполнится.

Я не смогу сосчитать, сколько раз в жизни следовал за капризом. За эгоизмом. За желанием. Не думая о последствиях. Не оглядываясь. Но у любой системы есть закон баланса. Если ты забираешь – рано или поздно должен отдать.

И я решил отдать сам. Без просьбы. Без счета. Без повода.

Я стал тенью. Лазутчиком. Изучал паттерны. Выстраивал карты связей. Отслеживал аккаунты. Слушал шум интернета. Перелопачивал базы. Особенно – все, что связано с полицией, с внутренними структурами, с системами, которые ломали жизни людей. Просто за то, что они были «не такими».

Приближались выборы в Конгресс. Меня интересовал один человек. Одна фамилия. Камила Тейт. Вся ее кампания строилась на риторике: «Нам не нужны чужие. Нам нужна чистота. Порядок. Защита».

Очередная кукла на ниточках страха. Но под ее вылизанным фасадом шевелились черви. Много. И жирные. Закрытые задержания. Операции без ордера. Скрытое финансирование «профилактических зачисток» в районах с высоким процентом иммигрантов. С помощью Дао и его чудовищно умного шпионского ПО я вскрыл ее штаб. Внутренние письма. Финансовые отчеты. Переписки. Личные файлы. Планы. Более двадцати тысяч документов. Это был не компромат. Это была анатомия зла.

Протоколы операций. Списки граждан, помеченных как «потенциально опасные» только за имя, за цвет кожи, за происхождение. Переписки, в которых они с откровенным презрением называли людей «мусором». «Ошибками системы». «Биологическим балластом».

Я слил все.

На десятки платформ. В анонимные форумы. В утечки журналистам. В даркнет. Все. Без остатка. Это был взрыв. Скандал уровня землетрясения. Внутри партии начался пожар. Паника. Одни отрекались от Тейта. Другие пытались замаять дело. Репутация рухнула. Рейтинг хлопнулся.

Я знал – это опасно. Очень. Знал, что теперь мне придется исчезнуть. Но, я не мог просто уехать. Нужно было увидеть родителей. И главное – поговорить с братом.

Через пару недель он вышел на связь. Начал почти весело: Говорил, что сирены почти не слышны. Как будто город замер. Перед бурей. Перед чем-то большим.

Мы говорили долго. Спокойно. Без упреков. Без злости. По-братски. Я рассказал почти все. Ну, почти. Я хотел, чтобы он понял:

Да, я тоже борюсь. Просто по-своему. По правилам, которые сам для себя написал. Без риска умереть. Без бессмысленных жертв.

Где-то глубоко внутри все еще теплилась надежда – слабая, почти жалкая – что мои слова переубедят его. Что он отступит. Поймет, что можно бороться иначе. Не с криком на улицах, не в эпицентре хаоса, а по-другому – тише, точнее, изнутри.

Мне хотелось верить, что он услышит. Что поверит мне, как прежде. Что выберет не жертву – а выживание.

Хорошими становятся те, кто не мешает.

Удобные. Послушные. Тихие.

Их глядят по голове и называют «хорошими людьми».

А плохими – те, кто спрашивает: «Почему?»

Кто лезет глубже. Кто не верит на слово.

Кто нарушает стройную иллюзию.

Мир не любит тех, кто думает. Он любит тех, кто соглашается.

Глава 7

Каждый побег – это не от чего-то. Это к чему-то.

Я уже подготовил идеальную легенду. «Вылетаю в Сингапур. Работа. Контракт. Все стандартно». На деле – билет в Стамбул. Оттуда – в никуда. Исчезнуть. Стереть себя. Стать пустотой.

Родители восприняли новость сдержанно. Но я видел. По глазам. Они уже не верили словам. После Азата их тревога стала живой. Осязаемой. Почти материальной. Они вцепились в меня мысленно, как в последнюю ниточку, которая еще соединяла их с безопасностью.

Может, родительское чутье – действительно не миф?

За пару дней до вылета я перевел пятьдесят тысяч долларов. Не напрямую Азату – это было бы идиотством. Деньги ушли через цепочку транзакций, замаскированных под пожертвования. Вышли на его друга. Это был мой последний жест. Последний бросок спасательного круга в черную воду.

Я думал, что все просчитал. Все. Шифрование. VPN. Поддельные протоколы. Маршруты. Серверы-прокладки.

Но, один прокол. Один. И все пошло под откос.

Оказалось, VPN, которым я пользовался, уже находился под следствием. ФБР имело доступ к их внутренним логам. А я... я не знал. Не успел проверить. Не подумал. И еще – телефон друга Азата давно висел под негласным контролем. Перевод зацепил цепочку. Остальное – дело техники. Сначала упал один из моих серверов. Потом перестала работать почта. Потом я начал ловить тени в отражении витрин. Замедленные машины неподалеку. Слишком одинаковые люди в кофейнях.

Я понял: время уходит. Быстро.

Ночевал где придется. Один раз – в отеле под поддельными документами. Остальное – случайные адреса. Люди, которые не задавали вопросов.

Последние сутки я провел в подвале компьютерной мастерской. Там, где когда-то работал один из моих старых друзей. Готовился выдвигаться к аэропорту ночью. В обход камер. В обход всего.

Не успел. Они были быстрее. На рассвете. Без шума. Без визгов. Просто подошли. Просто взяли.

Все четко. Все по инструкции. Даже почти вежливо. Почти. Что было потом вспоминать тяжело. Тяжело – без того, чтобы зубы не сжались до боли.

Где я ошибся? Где дал сбой?

Я слишком увлекся борьбой ради брата. Слишком хотел поверить, что у меня есть фора. Что я все еще играю умнее, быстрее, точнее.

А пока я играл, Камила Тейт теряла поддержку. После утечек ее рейтинг обрушился. На выборах победил Ричард Миллер – политик, который до скандала почти не фигурировал. Но публикации сломали доверие. У нее не осталось шансов. Конечно, она не собиралась оставлять это без последствий. Я знал, с кем имею дело. И все равно полез. Потому что мне было не все равно.

Первые дни в камере – пустые. Допросы – пустые. Я сидел в одиночке и бесконечно гонял в голове один и тот же вопрос: зачем? Что я хотел доказать? И поможет ли это хоть чем-то Азату? Ответа не было. Точного. Четкого. Окончательного.

Но я знал одно.

Нет.

Я не пожалел. Ни секунды.

И, пожалуй, это единственный честный ответ, который у меня был.

Глава 8

У чего есть душа?

В первом году учебы у нас был курс психологии. Признаться, честно, я бы никогда не стал его посещать так старательно, если бы не преподаватель. Она была редким явлением. Не по профессии – по сути. Из тех людей, которые умеют заставить думать. Болеть. Переворачивать внутри.

– Главное – не лгите самому себе. Даже если ваше мнение – непопулярное. Даже если все откажутся от вас, – сказала она как-то. И эта фраза, как раскаленный гвоздь, вьелась в меня. С тех пор она там. Где-то глубоко. Болью. Памятью.

Однажды на паре она задала вопрос, который потом стал для меня чем-то гораздо большим, чем просто задачей с подвохом. Нас было пятьдесят четыре человека.

– В лодке трое. Мужчина. Его мать. И его ребенок. Лодка тонет. Он может спасти только одного. Второй утонет. Кого он должен выбрать? Мать, что дала ему жизнь? Или ребенка – свою плоть, свое продолжение?

Простой вопрос. Почти банальный. Я даже не думал. Ответ был очевиден: мать. Мама – это не выбор. Это аксиома. А ребенок, ребенок может быть еще. Может быть второй. Может быть потом.

98% аудитории ответили так же. Лишь несколько человек выбрали ребенка.

Она выслушала всех. Улыбнулась. Пауза. И тихо сказала:

– Правильный ответ – ребенок. Потому что он появился благодаря вам. Потому что, пока вы живы, вы в ответе за него. Потому что мать, если бы могла, спасла бы вас. Потому что вы – ее ребенок. Всегда.

Тогда, тогда это не впечатлило меня. Лекция быстро стерлась из памяти. Жизнь шла вперед. Все казалось очевидным, понятным, простым.

А теперь... я вспоминал ее совсем иначе. И понял: не все матери остаются матерями. Не все способны спасать. Некоторые – отрекаются. Просто – исключают тебя из своей жизни. Словно тебя никогда не было.

Я понял это еще до суда.

Когда Азат ушел – были слезы. Крики. Истерики. Больница.

Когда ушел я. Была тишина. Холодная. Плотная. Как бетон.

Отречение. Полное. Без права на апелляцию.

Было ли больно? Нет. Тогда – нет. Тогда была только злость.

Но позже. Уже там, внутри. Когда мать моего сокамерника однажды узнала, что ко мне никто не приходит, и начала приносить еду не только ему, но и мне.

Просто так. Без слов. Без вопросов. С заботой. С теплом. И вот тогда впервые за долгие годы мне захотелось заплакать. Не от боли. Не от страха. Оттого что внезапно понял – вот оно. Вот чего мне не хватало всю жизнь. И чего я лишился навсегда. Я помню тот день. До секунды. До запаха. До того, как свет скользил по решеткам. Этот день – как ожог. Как рубец. Внутри.

Отец был на суде. Он приходил. Говорил. Нанял лучших адвокатов. Они спасли меня от пожизненного. Выиграли экстрадицию. Сняли часть обвинений. Вытащили почти невозможное. И отец решил, что долг выполнен. Все. Дальше – сам.

Я видел его в суде в последний раз. Как и маму. Она плакала. А он... он стыдился.

Жалел ли я? Нет. Забудьте.

Раскаяние – самая бесполезная вещь на этой планете.

Оно ничего не возвращает.

Ничего не меняет.

И никому не нужно.

Глава 9

Найди то, что любишь... и пусть это убьет тебя.

Стою во дворе тюрьмы. Смотрю в небо. Облака сегодня низкие. Давящие. Тяжелые. Они будто сползают к самой земле. Скоро пойдет дождь. И в этот момент прозвучит сигнал, зовущий всех обратно.

Но я хочу остаться. Еще чуть-чуть. До первой капли. До границы молчания. До мокрого лица, в котором уже нельзя будет отличить – то ли дождь, то ли слезы на лице.

– Сафин! Письмо! – орет тюремщик.

Даже улыбается. Редкость. Первое письмо за все время. На конверте – Чикаго. «Ничего хорошего», – думаю я. И, черт, не ошибаюсь.

«Пишу, потому что ты должен знать.

Азата больше нет. Его застрелили.

Это случилось ночью. На складе. Он пытался передать какие-то данные. Неизвестно кому. Мы сами до конца не знаем.

Спецслужбы называют это диверсией. Несанкционированным вмешательством в критическую информацию. Его убили на месте. Тело выдали через трое суток. Мы забрали его.

Похороны были тихими. Но, знаешь, я еще ни разу в жизни не видела столько людей на похоронах. Они плакали. Они все плакали о моем сыне. Он был нашим сыном. Но больше – он был чужим. Его больше нет. Он пошел не туда. Он не вернулся. И никто не смог – или не захотел – остановить его.

*Если для тебя это хоть что-то значит – помолись за него.
Хотя бы ты.
– М.»*

Я читаю это. Снова. И снова.
Десять раз. Двадцать. Пятьдесят.

Пытаюсь выцепить ошибку. Оговорку. Пропавшую букву. Хоть что-то.
Нет. Это правда. Он. Нет его больше.

И с этим «нет» остается только пустой, рваный, обжигающий вопрос: а если бы я тогда... хоть что-то. А потом – наступила пауза. Не тишина. А именно пауза – как будто весь мир замер, чтобы дать мне пару лишних секунд. Чтобы я успел... не знаю, среагировать?

Но я не закричал. Не рухнул на колени. Я просто сидел.

И чувствовал, как внутри все меняется.

Как будто какая-то часть меня, самая упрямая, светлая и уязвимая – взяла и выключилась. Без объяснений. Без шанса на «прощай».

Азат всегда был больше, чем брат. Он был мой компас. Даже когда шел в противоположную сторону. Он был тот, кто верил в меня. Всегда. Даже когда мир падал.

А теперь его нет.

И вдруг стало понятно: я могу жить тысячу лет, но уже никогда не стану прежним. Потому что есть такие потери, которые не проходят. Не лечатся. Не растворяются со временем. Они просто становятся частью тебя.

Мама писала: «Он был чужим». И это больнее, чем сама смерть. Он не должен был быть чужим. Он был моим братом. Единственный, кто не отвернулся. Кто не смотрел на меня через призму обвинений, тюремных стен, провалов, ошибок.

Он не ждал от меня идеальности. Не требовал соответствия. Он просто стоял рядом. Со своим характером. Со своей глупой дерзостью. Со своей невыносимой болью за весь мир.

Через две недели пришла посылка. Его часы. Те самые. Старые. Потрескавшиеся. Те, что всегда были с ним.

Мир больше не оставил выбора. Он снял все маски. Вот его финальный ответ. Вот квитанция. Вот чек за все.

Как же жестоки порой бывают люди. Как же жестоки бывают матери.

Человек не всегда может принять, что его фундамент рухнул. Не всегда может понять, что, когда твой мир ломается – это не катастрофа. Это инструкция.

Инструкция: «Собери себя заново. Или умри». Я понял одно. Ждать, пока меня разорвет эта волна, – нельзя. Либо я сам гребу к берегу. Либо иду ко дну.

Потеряться без надежды – это не мой путь. Я значу что-то. Еще значу. Где-то там, на воле. В мире, который все еще не забыл мое имя.

Я не могу больше оставаться. Ни здесь. Ни в этих стенах. Ни в этом образе – «технический обвиняемый». Скучный. Безопасный. Предсказуемый. Который просто сидит. Просто ждет. Просто медленно гаснет.

Хватит.

Я не знал – когда. Не знал – как. Не знал – через кого. Но план начал складываться сам. Шаг за шагом. Как вирус в коде. Я начал смотреть. Слушать. Запоминать. Вычислять. Не эмоции – возможности. Не слова – слабые точки. Я начал готовить себя. Психологически. Физически. Морально.

Не ради свободы. Не ради мести. Не ради игры.

А потому что просто жить, ничего не делая, теперь – предательство.

В ту ночь я не спал. «Он не дождался. Если я просто проживу – я предам.

Себя. Его. Все».

Мне нужно обратно.
В свои собственные оковы.

Глава 10

**Иногда единственный выход – это просто идти.
Даже если весь мир против тебя.**

Не прошло и дня с того момента, как я принял решение. Голова работала на износ, словно перегретый процессор. Проблема была в том, что, несмотря на убогость этой тюрьмы, слабых мест здесь попросту не существовало. Вообще.

Два месяца я без остановки прокручивал в голове разные сценарии, перебирал их один за другим – все были обречены на провал.

Это не сериал «Побег», где главный герой – гениальный инженер с чертежами тюрьмы, спрятанными под кожей. Это реальность. А в реальности шанс сбежать отсюда – мизерный. Почти нулевой. Особенно без риска быть пойманным в тот же день.

И вот, когда мысль о невозможности уже начала превращаться в серую безнадегу, ответ вдруг оказался прямо передо мной.

Один из пожизненников – старик под семьдесят – перенес инфаркт. Тюремные медики оказались бесполезны. Он пролежал в камере без сознания несколько часов, пока кто-то наконец не вызвал скорую, и его отправили в городскую больницу.

Я ухватился за эту идею как за последний глоток воздуха под водой. Вот она – соломинка. Теперь у меня было направление. Оставалось только понять, как это провернуть.

Мне нужно было быть раненым. Серьезно – но не смертельно. Самоповреждение? Слишком подозрительно. Врагов в тюрьме у меня не было. Ни в камере, ни за ее пределами. Значит, путь сложнее. Я выбрал единственного, кому мог доверять.

Радик. Тот самый человек, с которым у меня сложились, пожалуй, единственные человеческие отношения здесь. Ему оставался всего год до выхода. И я прекрасно понимал: предложить ему такое – значит поставить под угрозу не только его свободу, но и самое дорогое для него – его мать.

Мама Радика – добрейшая женщина. Когда узнала, что ко мне никто не приходит, без слов начала приносить еду и для меня. Делилась историями, рассказывала про семью, про жизнь. Невысокая, полноватая, с мягкими руками и добрыми глазами. От нее исходило такое тепло, что сначала я старался от него отгородиться. А потом сам не заметил, как втянулся. Знал теперь, кто у них заболел, кто женился, когда появились внуки.

Пару месяцев назад Радик узнал, что у матери серьезные проблемы с почками. Требовалось две операции. Сумма – космическая для их семьи. Он мечтал выйти по УДО и начать зарабатывать. А мать, махала рукой: мол, пожила достаточно, тратиться на нее не нужно.

Именно поэтому если я и мог кому-то доверить свой безумный план, то только ему. Не потому, что он наивен. А потому, что он хороший человек.

Весенний день. Мы лежим на лавке в тюремном дворе. Солнце скользит по лицу. Радик рядом. Я кладу руку под голову и, не размышляя больше, задаю вопрос.

– Радик, если бы у тебя была возможность за месяц достать деньги на лечение матери, ты бы согласился?

Он не открывает глаза.

– Конечно. Даже не задумываясь.

Пауза. Он приподнимается, смотрит на меня:

– Но, если это не связано с убийством или предательством. На такое не пойду. Да и откуда мне найти таких денег?

Он усмехается и снова ложится.

– А если я достану их тебе за две недели, но попрошу об одной услуге?

Он смотрит на меня с легкой иронией.

– Брат, ты не обижайся, но откуда у тебя? За три года тебя тут никто ни разу не навестил.

Ни открытки, ни сигареты

– А ты знаешь, за что я сюда попал?

– Ну, разное слышал, говорили, махинации. В камере считают, ты кому-то серьезному дорогу перешел. И, честно, для меня звучит правдоподобно. Ты ведь никогда толком не рассказывал. Молчун, всегда в себе.

Ну как его не любит?! Для меня он всегда был как младший брат. Чистый. Прямой. Такие не предадут. Если дали слово – держат.

– Отчасти верно. Я перешел дорогу американским политикам. До этого работал с ними. Искал и передавал им информацию – на чиновников, актеров, бизнесменов, за большие деньги. Очень большие. Я накопил столько, что мог бы обеспечить не только семью, а может, и целый город в Африке.

Радик присвистнул.

– Не, я знал, ты не обычный фрукт. А ты, выходит, экзотика! Знал бы раньше – держал бы спину ровнее. – Он смеется и толкает меня в плечо.

– Не хочешь спросить, в чем услуга?

– Спрашиваю. Что за услуга?

– Мне нужен телефон с интернетом, немного налички и острый нож.

– Хм. Это уже не одна, а три услуги. Телефон – можно. У одного есть. Нож – тоже найдем. У многих он имеется. А вот деньги... Может, мой брат подкинет. Но скажи мне – зачем тебе нож?

– Мне нужно, чтобы ты ранил меня. Глубоко. Но не смертельно. Чтобы меня увезли в городскую больницу. Если я сделаю это сам – не поверят. Должно выглядеть как драка. Что ты не хотел, что жалеешь. Может, даже срока не добавят. Максимум – пару месяцев.

Он молчит. Долго. Потом усмехается. Нервно.

– Я сделаю вид, что не слышал этот бред, и решу, что у тебя с юмором беда.

– А похоже, что я шучу?

– Нет, ты не шутишь. Но я все равно не сделаю. Я дрался то всего пару раз в жизни. А ты говоришь – ножом в живот. Это же абсурд! Ты не сможешь сбежать отсюда. Говорят, те, кто пытались, даже до ворот не добежали. Сиди спокойно. Может, скосят срок.

– Я думал, ты хочешь спасти свою мать. Ты уверен, что у нее все не хуже, чем говорят? Ты знаешь, выдержит ли она еще год? Ты не боишься выйти, когда уже будет поздно?

Он молчит. И я молчу.

Ответ уже где-то между нами.

Через неделю подошел ко мне в столовой.

– Брат сможет перевести только двадцать тысяч, – сказал он тихо. – Телефон будет завтра. И... – он замолчал, будто сомневался, стоит ли продолжать. – Нож тоже. Только не попадись, прошу. И не бросай мою мать.

Я ничего не сказал. Только кивнул.

Самой сложной частью плана было не достать нож и деньги. Самым важным было связаться с Дао.

С момента моего ареста я не предпринял ни одной попытки выйти на него.

Во-первых – стыдно. Во-вторых – небезопасно. Могли вычислить.

Но у любого уважающего себя хакера есть одна почта. Настоящая. Личная. О которой знают единицы.

Scorpiion – так называлась его почта.

Если в природе известно двадцать пять видов смертельно опасных скорпионов, то Дао вполне можно было считать двадцать шестым.

Моя почта называлась просто – Wasp. Четыре крыла. Один укус. И всегда – ответ агрессии на агрессию.

Я написал короткое сообщение:

«Это Wasp.

Мне нужна твоя помощь. Я собираюсь сбежать.

20 апреля я буду в центральной больнице №1.

Нужно, чтобы ты отключил камеры 23 и 24 числа.

Это вопрос жизни».

Без подписи. Без пояснений. Отправил. И тут же удалил. Я знал, он не ответит.

Я бы тоже не ответил.

Все было готово. Пару купюр я спрятал в крошечный внутренний карман штанов.

Что касается камер – оставалось верить. Половина успеха зависела от Дао. И если он получил сообщение – он не подведет. По крайней мере, в память о прошлом. Оставался последний фактор – кто меня будет сопровождать.

Подойдет кто угодно. Только бы не Пешков.

Пешков. Человек неприятный до костей. Лицо мясистое, глаза – маленькие, злобные. Лысина – сальная. Он внушал ощущение гиены. Старший офицер. Капитан по безопасности.

Он контролировал все: от тюремных работ до коррупции в этих стенах. Все знали, что он берет взятки, издевается над заключенными. Губернатор тюрьмы знал тоже. Но такие, как Пешков, нужны системе – для устрашения.

Меня он прозвал «сироткой». Никто меня не навещал. Брать с меня было нечего. Вот и придумал себе удовольствие. Но быстро потерял интерес. Унизить беззащитного, а в ответ – тишина. Это наскучивает даже гиене. Кличка прижилась.

Я не знал, сам ли он будет меня сопровождать или приставят кого-то другого. Молился, чтобы не он. Все должно было случиться после прогулки. Одна часть заключенных – во дворе, другая – в камерах. 20 апреля.

С самого утра меня трясло. Я злился на себя. Бесстрашия во мне не было. Но я упорно его вырабатывал. В какой-то момент я сдался. Решил положиться на удачу. И как только наступил решающий момент – вдруг настигло странное спокойствие. Словно где-то внутри прозвучал голос:

«Ты уже на пороге. Не бойся. Что бы ни случилось – случится по воле чего-то большего. Не цепляйся. Просто иди».

Судьба, рок, случай – называй как хочешь. Но я ощутил: теперь все вне моего контроля. И это дало успокоение.

Первое, что я ощутил, приходя в себя, – сухость во рту и глухой звон в ушах. Свет больной лампы резал глаза, словно игла. Голова гудела, будто ее зажали в тиски. Веки открывались с трудом. Я медленно начал осознавать, что нахожусь не в тюремном лазарете. Это – больница.

Палата – белая, безликая, стерильная. Кровать с аппаратурой. Маленький диван у стены. И этот неизменный запах всех больниц мира – кислый, фальшиво-стерильный, будто кто-то безуспешно пытается замаскировать вонь боли и страха. Я смотрел в потолок, как будто это

был последний потолок, который я увижу в жизни. Каждая мышца болела. Боль в животе пульсировала, расползаясь горячими волнами.

Картины последних часов вспыхивали, как сполохи. Взгляд Радика – растерянный, полный ужаса. Удар ножом. Крики. Грубый голос Пешкова. Провал в темноту. Попытался нащупать время. Сколько я был без сознания? Сработал ли Дао? Отключил ли камеры? Самое главное – кто меня охраняет сейчас?

Будто по заказу, дверь открылась. В палату вошел молодой парень с кофе. Он даже не посмотрел на меня, просто плюхнулся на диван и уткнулся в журнал.

Облегчение накрыло моментально. Не Пешков. Не тот, кого я опасался. Офицер – молодой, зеленый, неопытный. Видимо, чей-то родственник. Придумали, что я спокойный, тихий заключенный. Никаких проблем. Вот и приставили к «сиротке» дилетанта.

Сейчас главное – не шевелиться. Делать вид, что я все еще в отключке. Пусть думают, что я овощ. Пусть расслабятся. Я пытался удержаться, но провалился обратно в сон.

Очнулся от ощущения чьих-то рук. Надо мной склонилась девушка. Молодая. Она что-то делала с капельницей, сосредоточенно перебирая трубки. Заметив, что я смотрю, сразу улыбнулась – та самая профессиональная, успокаивающая больничная улыбка.

– О! Вы наконец-то пришли в себя! Как вы себя чувствуете? Голова не кружится? – посыпались дежурные вопросы.

– Какое сегодня число? – хрипло выдавил я, преодолевая сухость в горле. Сейчас это было важнее всего.

– Сегодня – она на пару секунд задумалась. – Двадцать второе апреля. Вы были без сознания почти два дня. А теперь как себя чувствуете?

Двадцать второе, значит, завтра – последний шанс. Завтра до обеда. Потом – обратно в тюремный лазарет.

– Паршиво, – ответил я, откидываясь на подушку. – Можно воды? Во рту будто кто-то выжег все.

Она быстро подала стакан с трубочкой. Я сделал несколько глотков. Только сейчас заметил – правая рука прикована к кровати наручником. Ну, кто бы сомневался.

Когда медсестра вышла, я закрыл глаза. Пора было просчитывать дальнейший шаг. Варианты мелькали один за другим, но все упирались в слишком много «если».

Если Дао сработал. Если камеры мертвы. Если повезет с охраной. Если хватит сил подняться вообще.

Решил импровизировать. Но только после того, как рана хоть немного перестанет гореть. Ночью проснулся от голосов. Меняли бинты, проверяли капельницу. Слышал обрывки разговора – врач, медсестра, еще кто-то из санитаров. Ничего важного.

На следующий день – тот же молодой охранник в углу. Пил кофе, листал журнал, скучал. Абсолютно расслаблен. Его никто не учил, что заключенные тоже бывают не такими, как все. К обеду пришел врач с медсестрой. Осмотрел меня, вздохнул и сообщил:

– Пациент стабилен. Завтра к обеду можно выписывать. Дальнейшее лечение – в тюремном медпункте.

«Завтра до обеда» – эта фраза зазвенела в голове, как счетчик времени перед взрывом. И тут впервые за все это время меня захлестнуло сомнение. Смогу ли вообще подняться? Смогу ли выбраться? А выдержит ли тело после ранения? Но мысль об отступлении – уже мертва. Она не существовала. Я убил ее вчера.

Утром врач сменил повязку. Прокапали последнюю дозу. Когда медсестра вставляла иглу в вену, я аккуратно коснулся ее руки, посмотрел в глаза и мягко улыбнулся:

– Можно капельку сильнее обезболивающего? Мне же дорога обратно предстоит. А то дозировка – будто для ребенка.

Она улыбнулась в ответ, чуть смущенно.

– Могу увеличить один миллиграмм. Это максимум на сегодня.

Я молча наблюдал, как капли медленно скользят по трубке, растворяясь в крови.

Сейчас или никогда.

– Слушай – обратился я к конвоиру. – Мне нужно в туалет.

– Потом. Скоро машина будет. На месте сходишь, – лениво отмахнулся он, не отрываясь от журнала.

Нет, приятель. Не потом. Сейчас.

– Серьезно, я не дотерплю. Больно же еще. Это займет всего пару минут.

Я вложил в эти слова все: интонацию, слабость, невинность. Он долго зевал. В конце концов вздохнул, поднялся и неохотно подошел. Освободил одну руку, оставив наручник висеть на запястье. Поддержал меня под локоть, повел в уборную.

Дверь закрыл. Повернулся. Слишком медленно.

Вот она – ошибка. Единственная. И мой шанс.

Я встал. Шаг. Второй. Третий.

Он потянулся за пистолетом. Мгновенно – перехват его руки. Удар локтем в горло. Он закашлялся, согнулся. Второй удар – коленом под ребра. Падая, он попытался кричать, но я мгновенно затолкал в его рот смятый бумажный полотенец, зажав рукой голову. Пару секунд борьбы – и он уже лежит, прижатый к батарее. Быстро – наручники на руку. Вторая – к трубе отопления. Жестко. Насмерть. Сердце билось так, что в ушах гудело. Но я не бежал. Нет. Я двигался быстро, четко, без рывков.

Я уже не в больнице. Я – в решении.

Окно справа. Смотрю – задний двор. Машины скорой. Люди вдалеке. Слева – мусорные баки. Пусто. Именно туда. Прыжок. Три метра вниз. Боль от раны пронзила живот. Повязка сразу пошла красным. Но черная кофта надежно скрывала все лишнее.

Встал. Застыл. Слушал. Тихо. Чисто.

Быстрым шагом пошел влево. Голова крутилась от слабости. Плевать. Главное – двигаться. Парковка. Полупустая. Смена еще не началась. Один выезд – через шлагбаум. Охранник стоит. Своим ходом не выйти. Значит – стать пассажиром. Быстро осматриваю машины. Четыре стоят ближе всего. Пройти через выезд пешком? Даже не вариант. Уйдешь максимум на сто метров – и все.

И тут – словно подсказка судьбы. Молодая девушка с телефоном в руках открывает багажник бордовой Toyota Sienna. Кладет туда большой пакет. Дверь машины остается открытой. Я слушаю ее разговор:

– Мам, я уже несколько раз проверяла. Тихо. Мне кажется, государственная помощь – это сказки. Нам самим придется что-то решать. Да, поеду к Айзе, надо отправить посылку...

Вот он мой шанс. Последний.

Собираю на лице самую мягкую, вежливую улыбку. Сил нет, но натягиваю ее, как маску, – без права на искренность. Подхожу ближе.

– Здравствуйте. Вы не могли бы помочь? У меня колесо спустило, а запаски, к сожалению, нет. Можете подбросить до центра? Там я уже сам, на метро.

Девушка вздрогнула. В теле – мгновенное напряжение. Видно было сразу: не собиралась она никого брать. Ни сегодня, ни вообще. Руки чуть сжались, подбородок застыл. Женщины редко пускают попутчиков. Молодые – почти никогда.

Я считал по глазам. И поспешил опередить:

– Я сержант полиции, Руслан Азимов. Сейчас на больничном. Хожу сюда на перевязки. А сегодня жену внезапно вызвали на работу, а мои сорванцы остались дома – вдвоем. Честно, боюсь, как бы они не устроили потоп. Или что похуже. Мне бы только до метро – дальше сам.

Она медленно выдохнула. Глаза смягчились. Напряжение, как пар, ушло через плечи.

– Конечно, без проблем. Мне как раз по пути, – ответила она, кивнув на пассажирскую дверь

Сработало.

Девушка невольно ловит себя на мысли – голос у него какой-то необычный. Глубокий. Бархатистый. Такой голос – словно обволакивает, будто дорогая ткань, и одновременно насто-раживает. Всегда были мужчины, чьи голоса действовали на нее сильнее, чем внешность. А тут и голос, и внешность – слишком редкое сочетание.

Этот мужчина был странным. Такой, от которого трудно оторвать взгляд и одновременно возникает внутреннее напряжение. Неуловимое, тревожное.

Четкая линия подбородка, прямой, будто вырезанный лезвием, нос. Плотные губы – такие, в которых читается привычка молчать. Черные волосы, спадающие до линии шеи. Но главное – глаза.

Глаза. Почти черные. Глубокие, как бездонный колодец. Обрамленные густыми, идеальными, словно нарисованными бровями. Легкая небрежная щетина добавляла мужественности. А губы – обычные, чуть полноватые в центре, – сейчас почему-то были бледны. И, пожалуй, именно это выдавало его состояние больше, чем все остальное.

Про себя девушка отметила – она никогда не видела полицейских с такой внешностью. И уж точно не с такими длинными волосами. Наверное, отрастил в отпуске, мелькнула в голове рациональная мысль. Но все равно он выглядел скорее как актер, играющий роль полицейского в каком-нибудь серьезном фильме. Она поймала себя на нелепой мысли – интересно, как он выглядит без фуражки? Волосы растрепаны или уложены?

«Стоп. Женатый. С детьми. Все. Хватит. Не туда мысли, совсем не туда...» – строго одернула она себя и, встряхнув головой, завела двигатель.

Мотор загудел. Машина мягко двинулась с места. Без лишних разговоров они подъехали к шлагбауму. Офицер на посту махнул рукой – проверять ничего не стал. Обычная машина. Молодая девушка за рулем. Мужчина на пассажирском. Все как надо. Никаких подозрений.

Колеса мягко провернулись. Шлагбаум медленно пополз вверх. Секунда – и они выехали. Проехав метров двадцать, Алан мимолетно бросил взгляд в боковое зеркало. В его поле зрения – полицейские машины с включенными мигалками, что с воем неслись в сторону больницы.

Он даже не дышал. Ловил каждую мелочь. Считал машины. Смотрел на траекторию движения. Прокладывал пути отступления, хотя понимал – сейчас все зависит от скорости и удачи.

Охота началась.

Глава 11

Некоторые встречи – словно капкан.

Попал – не выберешься. Даже если капкан сделан не из стали, а из чьих-то глаз.

К его облегчению, девушка даже не обратила внимания на полицейские машины. Они пронеслись мимо, и только когда их силуэты скрылись из виду, Алан впервые за последние часы позволил себе выдохнуть – по-настоящему.

Машина шла плавно, но слишком медленно для его вкуса. Девушка управляла уверенно, но осторожно – будто балансируя между желанием соблюдать правила и внутренним напряжением, которое с каждой секундой нарастало в салоне.

Живот ныл, а боль пульсировала все сильнее, по коже катился липкий холодный пот, будто тело предупреждало: «Эй, дружок, так долго мы не протянем». И это был тревожный сигнал. Очень тревожный.

Чтобы разрядить неловкую тишину, которая висела между ними, девушка первой заговорила:

– Кстати, меня зовут Мари. Я работаю медсестрой в той самой больнице, – сказала она, слегка приподняв уголок губ в вежливой улыбке.

Алан удивленно перевел взгляд с дороги на нее. Мягкий поворот головы, аккуратный изгиб шеи, пальцы, ловко сжимающие руль. Толстый хвост на макушке. Почему-то он не ожидал, что у нее вообще есть имя. Будто в машину впустила не девушка, а безликая функция. И тут вдруг – «работаю»?

– Всерьез? – вскинул брови он. – Честно сказать, вы больше похожи на... максимум на студентку первого курса.

Она засмеялась – легко, без защиты.

– Ага, это я слышу почти каждый день. Мини-комплектация, – ответила она с полуиронией. – Иногда говорят, что меня легко потерять в супермаркете между рядами.

Ее смех – легкий, теплый – неожиданно пробрал его куда-то под ребра. Взгляд задержался на ней чуть дольше, чем позволено правилами приличия. Зеленые глаза. Почти янтарные. Какой же он дурак! Даже не заметил, что на ней медицинская одежда.

– Сколько вам лет? – спросил он, прежде чем успел отловить этот вопрос на подлете. И тут же мысленно выругался.

Но девушка не обиделась. Наоборот – хитро улыбнулась, чуть покосившись в его сторону:

– Целых двадцать четыре. Уже официально.

– Ни хрена себе – выдохнул Алан и тут же отвернулся к окну. Кажется, на воле ему придется заново учиться разговаривать с девушками, если, конечно, до этого его не поймают. – То есть, простите. Я хотел сказать – вы выглядите младше. Намного младше.

Она снова легко рассмеялась.

– Прощаю. Но замечу: «намного младше» – это почти как «девочка». Между прочим, я умею завязывать бинты, ставить капельницы и даже выслушивать нытье пациентов без нервных срывов. Так что да. Осознанные двадцать четыре.

Алан качнул головой, делая мысленную пометку: осознанные. С характером.

– Убедительно, – кивнул он. – Осознанные двадцать четыре.

– А вам сколько? – спросила она в ответ, мельком взглянув.

Он хмыкнул, чуть сощурившись:

– На вид? После вчерашнего – все сорок.

– Вы многослойный, – улыбнулась она, будто читает его между строк. – Знаете, есть такие люди – внешне простые, но как луковица. Слой за слоем. И неизвестно, что там в середине.

Ее голос был странно теплым. Почти как будто они ехали не два незнакомца, а старые друзья. Или – кто знает – кто-то больше.

И вдруг телефон. Резкий, пронзительный звонок разрезал уютную тишину.

– Да, слушаю, Ирина Дмитриевна, – ответила она.

– Мариш, ты уже ушла? Ты даже не представляешь, что тут творится! – заведующая говорила на вздохе, почти в панике.

– Уже в пути. Что случилось? – голос ее был мягким, но с осторожностью. Внутри проскользнуло нехорошее предчувствие.

– Случилось?! Помнишь того уголовника с ножевым ранением из экстренного отделения? Так вот – он сбежал! Прямо из палаты, представляешь? Всех подняли на уши. В больнице паника.

Сердце Мари застучало громче. Глаза сами почему-то скользнули вбок – на пассажирское сиденье. На него. На руку, сжимающую бок. На кровь.

– А камеры? Должны же были что-то зафиксировать? – машинально спросила она.

– Вот в том-то и беда! Камеры два дня как не работают! Ни одна. Даже уличные. Никто не понимает, что случилось. Как будто, как будто кто-то намеренно все отключил. А ведь этот тип был в здании! И надо было этому в нашей больнице случиться!

– Сколько прошло с момента побега? – голос Мари стал ровным. Слишком ровным. Ложная стабильность.

– Пятнадцать, может, двадцать минут. Но с такой раной он далеко не уйдет. Альберт Германович говорит – физически нереально. Но факт – его нет. Исчез! – заведующая почти срывалась.

Каждое ее слово било током. Пятнадцать-двадцать минут. Именно столько он сидел рядом. На расстоянии вытянутой руки.

– А какая рана? – тихо выдохнула она, почти не слыша свой голос.

– Ножевая. В живот вроде.

Холод. Настоящий. Ледяной. Непробиваемый. По позвоночнику, по коже, по венам. В голове металось: «Нет, это не он. Не может быть. Не может быть».

Она поворачивает голову. Медленно. Очень медленно. На него. На его руки. На его бок. На темное пятно, расплывающееся под ладонью. На его лицо. И понимает: все. Ошибки быть не может.

Сначала – онемение. Даже не страх, нет. Что-то глухое, похожее на удар изнутри. Как будто кто-то выдернул воздух из машины, оставив только ее и тишину, натянутую как струна. Спокойствие, которое раньше казалось привлекательным. Уверенным. А теперь – странным, пугающе хладнокровным.

«Беглый преступник».

– Я бы на твоём месте не дергался, – спокойно говорит он, направляя пистолет в области таза.

Она застывает. Глаза – огромные, блестящие. Подбородок дрожит. Слезы подступают, но еще не падают. Губы чуть раскрыты. Пытается дышать. Пытается думать. Но мир резко сужается – до его лица и холодного ствола.

– Пожалуйста... возьмите машину... деньги... что угодно... только отпустите меня, – выдавливая она. Голос почти не ее. Тонкий, стеклянный.

Алан опускает глаза. Сжимает зубы. Говорит ровно, почти безэмоционально:

– Избавь меня от своего нытья. Я не собираюсь причинять тебе вред. Не собирался и раньше. Просто ты оказалась не в то время и не в том месте. Мне нужно выбраться. И ты мне поможешь.

Мари дрожит. Но слушает. Слушает – значит, есть шанс. Он тянется к ее телефону, забирает. Контроль. Нужно дать понять: ситуация под контролем.

– Ты просто едешь. Поняла? До определенного момента. Потом – свободна. Расход. Все просто, ты и твоя машина – только средство. Пара часов – и я исчезну. Все, что от тебя требуется: вести машину и не паниковать. Я скажу тебе, когда остановиться.

Мы едем около двадцати минут, ей страшно. Я вижу, как она старается держаться. А еще – пытается тянуть время. Сбавляет, потом резко жмет газ. Будто мотор глохнет. Но нет. Это она играет. Специально водит так, чтоб кто-то обратил внимание. А все-таки из всех, кто мне мог попасться, она не самый плохой выбор, думаю про себя. Но, как говорится, не спешу с выводами.

– Не делай глупостей. Пожалей себя, просто дай газу – предупреждаю. Спокойно. Но с нажимом.

Она кивает. Но он видит, как плечи дрожат. Видит, как сжаты ее пальцы на руле – до белых костяшек. Видит, как борются в ней страх и бешенство.

А потом, потом она ломается.

– Я просто ехала домой! – срывается она. – Я просто хотела позавтракать, выспаться! А теперь я здесь! С твоими чертовыми угрозами!

– Угрозы перестанут ими быть, как только ты дашь газу.

Гнев. Чистый. Обжигающий. Он сильнее страха.

Машина срывается. Скорость сто. Сто двадцать. Сто сорок. Алан хватается за поручень.

– Сбавь скорость! Сейчас же!

– Хотел быстро?! Получай! – она срывается. С плеча скидывает его руку. – Ты же этого хотел! Быстрее моя старушка не может! Наслаждайся заказом!

Впереди – мост. Мокрый асфальт блестит, как зеркало.

– Тормози! Лужи! Дура! – кричит.

Поздно. Машину подбрасывает. Скользит. Несет. Поворот. Звук. Падение.

Мы оба летим в воду.

Глава 12

В будущем мы обязательно будем спрошены за собственную трусость.

За поиск всеобщего одобрения.

С самого детства мне казалось, что я – особенная.

Это ощущение не было навязано родителями, друзьями или окружением. Оно пришло изнутри. Не из-за самовлюбленности или завышенной самооценки – просто так.

Разумеется, я делала шаги, прикладывала усилия, вкладывала душу, как и многие из нас. Мне нравится чувство собственной ценности. Но оно не досталось мне даром. Его не прививают с рождения, его не передают по наследству. Его не подарит ни один человек. К нему приходят сами. Тихо. Без логики. Люди годами собирают себя, как мозаики. Кто-то – гадают на таро, кто-то – блуждают в чужих мирах, зависимостях. Но, я уверена: любовь к себе приходит лишь тогда, когда тебе по-настоящему комфортно наедине с собой. Когда ты находишь себя – в моменте. Или теряешь в моменте. Все зависит от точки входа.

Но со временем жизнь неизбежно окунает тебя в холодную воду. Лебяную, шокирующую. Смывает пыль с твоей уверенности. Человечество научилось многому: создало атомную бомбу, интернет, отправило спутники в космос, – но никто так и не разгадал душу человека. Этот великий вопрос требует слишком глубокого погружения. А погружение – дело нелегкое. Пусть этим и занимаются философы.

Я никогда не знала своих биологических родителей. Не знала – и не искала. Где они? Живы ли? Родились ли у них после меня еще дети? Я не задавалась этими вопросами. Да и что толку – искать тех, кто оставил тебя сразу после рождения? Иногда легче прятать голову в песок, чем смотреть в глаза истине.

Почти сразу после рождения врачи поставили диагноз: ревматизм. С риском поражения сердца. Требовалось длительное лечение. Возможно, именно поэтому меня и оставили в больнице – без имени, без фамилии, без следа.

Если бы кто-то взглянул на мою жизнь целиком, с самого начала, – сказал бы: одни сплошные черные и белые полосы. Иногда, конечно, случались яркие пятна, но их было немного. Жизнь без фарфора, без витрин.

С годами учишься симулировать чувства. Точно рассчитывать эмоции: сколько дать, сколько взять, чтобы не остаться пустым. Проживать их, как сомелье оценивает вкус вина: чуть

пригубил, проникся и тут же отпустил. Некоторые эмоции, если дать им волю, способны разрушить. Их нужно держать в узде, как строптивую кобылу, и говорить:

– Тише, милая, слышишь? Спокойно, дуй и вей.

В мире незрячих слепой не чувствует себя другим. Он среди своих нормальный. А в мире шумных и ярких я – эмоциональна. Слишком. От природы. Не знаю, откуда это: то ли наследие раннего опыта, то ли просто я – такая. Мне не так важны мои чувства, чтобы их анализировать. И мысль найти единомышленников казалась мне неважной. Все ли у меня хорошо?

Но в тот день – серый, пасмурный, с дождем – холод и тенек были не только на моей стороне. Они были и у Хайруллиных, потерявших первенца.

Они не могли оправиться от новости, что после тяжелых родов больше не смогут иметь детей. Их мечта, их надежда на шумный дом с детским смехом – рассыпалась в прах. Это была трагедия.

А самое страшное в таких трагедиях – тишина, которая следует после.

Когда у людей отнимают что-то по-настоящему желанное, многих охватывают чувства страха и ярости. С возрастом это только усиливается – слишком долго они шли к мечте, слишком много вложили, чтобы отпустить все просто так. Потому и потеря становится для них непереносимой.

Именно это переживала Майя Хайруллина, глядя на безжизненное тело своего первого – и, как она тогда думала, последнего – ребенка.

Она стояла в каком-то оцепенении, не отводя взгляда, будто пыталась запомнить каждую черту, каждую линию крошечного лица, будто надеялась, что память удержит то, что жизнь отняла. Наверное, она продолжала бы смотреть, если бы не крик.

Где-то неподалеку плакал младенец – плакал пронзительно, неутешно, будто звал ее, будто чувствовал, что именно она должна подойти.

Майя вздрогнула. Весь мир, только что суженный до одной точки боли, вдруг дернулся – и распался на дрожащие фрагменты.

А дальше – как в тумане.

Она не помнила, как оказалась рядом. Не заметила, когда младенец сжал ее палец своей крошечной ладонью – так крепко, как будто знал, что нельзя отпустить.

Не отдавала отчета, как очутилась в кабинете врача, слушая его срывающийся голос, говорящий что-то об отказе, о документах, об этом ребенке.

Знак?

Судьба?

Случайность?

Майя не знала.

Но знала одно – мысль вернуться домой одной была невыносимой.

Дом, где их с Айдаром ждала детская – светлая, наполненная любовью, ожиданием, мягкими игрушками и надеждой, – теперь казался чужим. Как будто все внутри умерло вместе с дыханием того, кого она не успела обнять.

Айдар, заметив странный блеск в глазах жены, удивился. Но в глубине души воспрянул: любые чувства были лучше, чем пустота и отрешенность, поселившиеся в ней в последние дни. Она села рядом, взяла его за руку и – с той самой любовью, которую он так хорошо знал, – сказала:

– Айдар, я хочу удочерить ее. Это судьба.

Он не ответил сразу. Она продолжала, с дрожью в голосе, вглядываясь в его глаза:

– Я не смогу вернуться домой одна. Ты бы видел, как она вцепилась в мой палец, ее крошечная ладошка – голос ее задрожал, в глазах блеснули слезы.

Айдар понимал – не просто слышал, а чувствовал – ее боль. Он знал, как страшно для нее это осознание: больше никогда не стать матерью. И он сам, если быть честным, тоже хотел

бы, только чуть позже, когда боль поутихнет. Но, похоже, у Майи не было этого «позже». Он чувствовал: если она выйдет отсюда без ребенка, в ней что-то сломается окончательно. И он сдался.

– Мы справимся, – шептала она, будто стараясь передать ему свою веру. – Я знаю. Мы будем ее любить, заботиться о ней. Она облегчит нашу боль, а мы – залечим ее одиночество. Это будет честный обмен.

Он слушал и кивал. В темноте, что окружила их в последние дни, это была единственная искра света.

Иногда для счастья человеку не хватает всего одной детали. И, возможно, в их случае – это и был тот самый недостающий фрагмент.

Глава 13

Некоторые семьи складываются из крови.

Другие – из выбора. И только такие семьи – нерушимы.

Меня назвали Мари.

Мама сказала, что это имя интернациональное. «С ним ты не потеряешься нигде. Ни в одном языке, ни в одном уголке мира», – говорила она, заглядывая мне в глаза, будто убеждала не только меня, но и себя. Тогда я не знала, что это станет правдой. Что однажды судьба забросит меня куда-то, где мое имя будет единственным якорем, напоминанием о том, кто я есть.

Мы самая обычная среднестатистическая семья. Как много нас таких, но в то же время мы особенные друг для друга. Мы – как старое кресло с потертыми подлокотниками. Не модное. Не дизайнерское. Зато свое. Родное. Единственное, в котором можно заснуть, завернувшись в плед, и не бояться, что кто-то выгонит.

Отец... Ах, отец.

Сложный человек. Не мягкий, прямой, с тяжелым взглядом. Автомеханик. Говорил всегда честно, часто – слишком честно. Настолько, что иногда даже мама краснела за него. Но люди все равно шли к нему. Потому что знали: обмануть – не обманет. Сделает – так, что даже японцы обзавидуются.

– Запомни, Маро, – говорил он. – В мире обмана честный человек – как алмаз. Все ищут, но не все могут позволить.

Да, он звал меня Маро. Не Мари. Жестче. По-мужски. Он хотел сына. Очень. Но судьба распорядилась иначе. И я старалась быть этим сыном. Пусть и с косичками. Пусть и в юбке.

Мама была другой. Спокойной. Мягкой. Светлой. Человек, который умеет варить борщ так, что у тебя с первой ложки начинают работать все чакры. И еще – тот самый человек, который может словом пригладить любую бурю.

Мы жили просто. Трешка недалеко от центра. Старая мебель, надежная посуда, кухонные часы, которые все время спешили. И вечный запах еды. Теста. Супа. Выпечки. Дом, в котором тебя любят, пахнет выпечкой. Это закон.

С детства я росла упрямой. Взбалмошной. Такой, что и взрослые иногда сдавались. В садике дралась. В школе – дралась. На улице – дралась. Поводов не требовалось. Один раз меня вызвали к директору за то, что я... откусила однокласснику ухо. Немного. Самую капельку.

– Жива? Жива, – прокомментировал отец, когда услышал. – Ничего. Теперь этот сопляк десять раз подумает, прежде чем к моей дочери полезть. Пусть радуются, что только ухо, а не без «Фаберже» остался.

Мама тихонько плакала. Отец – гордился. Баланс.

А потом было детство, которое пахло больницей. Каждые две недели – Москва. Лечение. Уколы. Анализы. Я не знала, что значит «нормальное детство». Зато знала, как незаметно сли-

нять из стационара и купить на вокзале самую вредную в мире ватную конфету. Знала, как звучат шаги медсестры в четыре утра, когда ты притворяешься спящей.

Лучшие воспоминания – с бабушкой. Она превращала любой больничный день в приключение. С ней мы сбежали на метро, ели жареные пирожки, смеялись, плели друг другу косы и обсуждали, кто из врачей самый симпатичный.

Когда мне исполнилось десять, врачи сказали:

– Все позади.

Мама плакала от счастья. Отец крепко прижал меня к себе, как будто боялся, что, если отпустит – потеряет. А мне было... странно. Я вдруг поняла, что закончилась эпоха. Эпоха больничных поездок. Эпоха беззаботного приключения под названием «ты еще не совсем здорова, и тебе нельзя все».

С тех пор бабушка больше никогда не брала меня в самовольные походы по городу. Как будто вместе с диагнозом исчез и наш маленький заговор против жизни.

Все лгут. Некоторые – понемногу.

Некоторые – только когда вынуждены.

А некоторые – профессионально. Как журналисты. Или политики.

Я быстро поняла: если хочешь быть собой – забудь о том, что кто-то когда-то тебя поймет.

Мир – не про понимание. Мир – про выживание.

Меня никогда не интересовали, как говорят, «девчачьи» вещи. Куклы? Нет. Танцы? Нет. Я мечтала бить по груше. Учиться отвинчивать гайки. Менять тормозные колодки. Сидеть рядом с отцом под днищем старого форда и слушать, как он ругается на тупых владельцев, которые вечно «сами все чинили, а теперь не заводятся».

– Маро, – говорил он, – помни, человек, который не боится испачкать руки тяжелой работой, – будет жить.

Я росла без фильтров. Без розовых пленок на глазах. Без сахарных оболочек и утешительных фраз вроде «все всегда будет солнечно». Потому что никто и никогда мне этого не обещал.

Здесь вообще никто никому ничего не обещал.

Все, что ты хочешь, – ты создаешь сам. Или не создаешь. И тогда – добро пожаловать на обочину.

Сиди, смотри, как другие проезжают мимо, и молчи. Потому что здесь не ждут. Здесь не подбирают.

Вот на этой честной, грубой, местами жестокой формуле и строилась моя жизнь.

Ровно. Холодно. Без иллюзий. Без надежд – но и без разочарований.

Я не верила в чудеса. Не верила в спасение. Не верила, что кто-то когда-то протянет руку просто так – не потому, что ему выгодно, а потому, что ты просто человек, которого стоит спасти.

А потом однажды...

все перевернулось.

И с тех пор я больше не уверена – была ли та жизнь настоящей.

Или вот эта, что началась после него.

Глава 14

То, как стремительно может измениться привычная, даже скучная жизнь, всегда меня пугало. Незнание выбивает почву из-под ног, а ощущение потери контроля – парализует. Мы никогда не можем быть уверены ни в завтрашнем дне, ни даже в следующем вдохе. У всего есть конец.

Когда мне исполнилось десять, живот у мамы начал заметно округляться. Она всегда была худой, и перемены пугали. Мы все – и я, и даже бабушка – решили, что мама больна. Но врачи огорошили: никакой болезни нет, просто беременность. Пятый месяц. Мальчик.

Мы с бабушкой переглянулись в недоумении. Мама с отцом – в шоке. Но на их лицах появилось выражение такого счастья, что я запомнила его навсегда. Особенно – глаза отца. Он смеялся, заикался от волнения, обнимал нас всех по очереди, словно боялся, что, если остановится, – проснется.

Но моя радость была недолгой. На второй день я узнала, что приемная. Просто. Сказали. Аккуратно, но без подробностей. Они и не собирались скрывать – просто хотели рассказать, когда я стану взрослой. Но судьба, как всегда, не спросила. Белая полоса закончилась. Я почувствовала, как рушится весь мой уютный, понятный мир.

Теперь многое стало на свои места. Светло-каштановые волосы, большие глаза – ни малейшего внешнего сходства ни с кем из семьи. В голове вертелось только одно: а вдруг меня отправят обратно?

Я перестала есть, ночами не спала. Вспоминала все свои детские выходки, наши ссоры – и везде искала поводы, по которым меня могли «разлюбить» и вернуть обратно. Соседи поздравляли с будущим братом, а я смотрела на них, будто из стеклянного шара. Я хотела спросить: надолго ли я тут?

Я винила младшего брата, еще не родившегося. Он стал символом утраты моего места в семье. Он даже не появился, а уже будто вытеснил меня из пространства любви и тепла. Я чувствовала себя лишней. Все, что было до этого: радость, значимость, уверенность, – поблекло и исчезло.

Родители заметили мою перемену. И часто говорили, как любят меня. Как и то, что я – лучшее, что с ними случалось. Что всегда будут рядом. Эти слова были нужны мне как воздух. И страх отступил, но внутреннее напряжение не уходило.

Я все равно злилась на него. Он стал символом того, что я – больше не в центре. Что мое место занято. Меня вытеснили. Мягко, но безвозвратно. И вдруг все, что было раньше: радость, уверенность, ощущение нужности, – потускнело.

Я решила быть идеальной. Не болеть. Не плакать. Не мешать. Тихой. Удобной. Послушной. Ангелом, заслуживающим любовь. Хотя... это было совсем не про меня. Я – настоящая – была шумной, упрямой, мечтательной, капризной.

Разве не удивительно, как человек может измениться в одночасье? Удивительно, как люди не понимают, как важно сохранить себя на этом пути. Но чтобы найти равновесие, придется столкнуться и с утратой.

Когда папа с бабушкой поехали забирать маму из роддома, нас с бабушкой оставили дома – накрыть на стол и просто быть на месте, чтобы встретить их. Помню лица, сиявшие от счастья, и свои робкие взгляды на малыша. А потом мама аккуратно положила его мне на руки, и я, затаив дыхание, смотрела, как он, крохотный и чудесный, спокойно сосет соску. Я так боялась его уронить, что вцепилась в него изо всех сил – не отдавая, не мигая, не веря, что это теперь наш малыш. В ту самую секунду он будто забрал мое сердце без спроса.

Имя мне разрешили выбрать самой. Я не стала долго думать – просто выкрикнула:

– Дени!

Я где-то слышала это имя, оно мне понравилось – и этого было достаточно. Смысл, происхождение – неважно. Главное – звучит красиво. Я решила, что буду для него лучшей сестрой. И правда старалась.

А жизнь тем временем шла своим чередом. День за днем, шаг за шагом, месяц за месяцем – от земли до луны. Это были светлые, беззаботные времена. Родители, вдохновленные рождением Дени, не хотели останавливаться на одном ребенке. Через три года я случайно услышала, как мама шепчется с подругой:

– Врач сказал, будет двойня.

Я сразу поняла: перемены на пороге. И не ошиблась.

Теперь я восприняла новость куда спокойнее. Опыт был, радость – тоже. Но в глубине души понимала: все изменится. Семья растет – и это неизбежно скажется на мне. Когда ожидание стало известным всем, родители приняли решение: продать квартиру в центре и переехать в пригород, к бабушке с дедушкой. У них был большой участок земли, и решили на его половине построить дом, а пока – ютиться в их доме.

Беременность у мамы на этот раз протекала тяжело. Она почти сразу ушла в декрет – и так из него и не вернулась. Закрепилась в статусе домохозяйки. Папа продолжал ездить в город на работу, а я – в школу. К счастью, путь на машине занимал не больше получаса.

Потом родились наши близнецы – мальчик и девочка. Назвали их Самир и Сари – хотели, чтобы имена были созвучные. Но, боже, как они кричали! Особенно вместе. Эти ночи без сна я не забуду никогда. Мы вставали по очереди: брали одного, чтобы второй не проснулся. Иногда я укачивала их часами. Было тяжело, но тепло.

Изменения, о которых я догадывалась, начали касаться меня вплотную. В школе я училась нормально, но были предметы, которые тянула только с помощью платных занятий. Родители старались, но с каждым разом, когда просила денег, вздыхали все тяжелее.

– Мари, а сколько тебе еще ходить туда? Ты до сих пор не догнала материал? – звучало в воздухе.

Я понимала. На папиной шее далеко не уедешь. Постепенно я бросила занятия, затем ушла и из художественной студии. Это было особенно больно. Нет, выдающимся талантом я не блистала. Но рисование давало мне воздух. Через холст я выпускала все: от света до мрака, от радости до тоски. Это был мой личный мир, где я могла мечтать, фантазировать, замечать красоту – и теряться в ней.

Но ничто не вечно под луной.

Краски поблекли. Вдохновение сменилось тишиной. А потом – пустотой. Иногда я пыталась вернуться – открыть альбом, взять в руки карандаш. Но рука дрожала, а внутри звенела только усталость.

Так я и оставила себя на тех холстах. Несовершенную. Живую. Мечтающую.

Родители не упрекали, но я уловила в их молчании облегчение. Когда пришло время выбирать профессию и поступление – выяснилось, что я совершенно не готова.

Кто решил, что после школы человек знает, чего хочет, куда идти, кем быть?

Кто внушил нам, что сразу после школы мы обязаны выбрать путь – осознанно, твердо, навсегда?

Почему этот ярлык – «определись» – въедается в сознание так крепко, будто от него зависит право на существование?

Это ложь.

Большая удобная ложь, на которой строится система.

Но правда в другом: в восемнадцать лет человек не знает, кем он хочет быть, – и не должен знать. В этом возрасте он только начинает понимать, кто он вообще такой. Он все еще выбирает – не между профессиями, а между супом и бургером на обед. Он пробует, ошибается, возвращается назад, теряет, снова ищет.

И в этом – не слабость. В этом – жизнь.

Почему нельзя дать время?

Почему нельзя позволить учиться не ради диплома, а ради понимания себя?

Почему страх «потерять год» стал важнее, чем шанс не потерять себя?

Это одно из самых глупых правил, которые навязало нам общество, – принимать решения на всю жизнь, когда ты еще даже не умеешь нормально спать ночью и не верить каждому второму совету в интернете.

И, может, самое смелое, что может сделать молодой человек – не выбрать.

А честно признаться: я пока не знаю. И пойти искать.

Вот и я не знала. И этот страх преследовал меня, не давая расслабиться.

Сомнения. Страх. Тревога.

Ты пытаешься прислушаться к себе, но слышишь только гул пустоты. Хочется нажать на паузу, вынырнуть из суеты, заглянуть внутрь – и остаться там, пока не станет ясно, куда идти. Я уже давно находилась в этом подвешенном состоянии и, устав от собственного молчания, стала прислушиваться к другим – к семье, – у которых хотя бы были какие-то версии на тему «что дальше».

Разумеется, как и в любой «нормальной» семье, все единогласно голосовали за медицину. Кто бы сомневался! Но с моими скромными баллами о докторской карьере можно было забыть – даже заглядываться было бессмысленно. В итоге под напором советов я поступила на сестринское дело. Ранг пониже, конечно, но не суть.

Ну и ладно. Предвзятости у меня не было, а вдруг понравится – кто знает? И, надо сказать, понравилось. Не то чтобы восторг – но и не через силу. Где-то внутри даже появилось ощущение, что я делаю что-то нужное, а значит – не зря.

Глава 15

Когда я училась на втором курсе, наш дом наконец достроили. Один этаж, мансарда, зеленая крыша. Простой, но уютный – такой, о каком мечталось в детстве.

Я сразу заняла мансарду. Несмотря на скошенные потолки и углы, в которых легко удариться, я видела в ней свое место. Тихое. Место, где можно было бы рисовать. Просто для себя. Для тишины. Чтобы иногда – среди детского смеха и постоянной суеты – услышать себя.

В доме было три спальни, просторная гостиная, большая кухня, которую мама наполняла запахами выпечки, пряных супов и уютных разговоров. Ванная была крошечной – но нам хватало. Бабушка с дедушкой жили совсем рядом, через калитку – как будто тыл, как будто якорь.

А я жила наверху, в мансарде, и мечтала. Мечтала о жизни, которой, возможно, никогда не будет.

Иногда казалось, что впереди – только апатия. Что все решено заранее и ничего интересного не случится. А в другие дни верилось: впереди – счастье. Открытия. Что-то важное и пока неведомое.

Как будто все, что нужно, – это немного подождать.

Чуть-чуть.

Несмотря на отцовские мечты, Дени рос тихим и замкнутым. Он будто растворялся в пространстве – такой незаметный, что иногда казалось, его и в комнате нет. У него была своя вселенная, где житейские интересы не значили почти ничего. Отец пытался его увлечь: брал на рыбалку, показывал мастерскую, делился секретами работы. Дени слушал, не спорил, но и не задавал вопросов. В конце концов отец сдался.

Он был красив: темные волосы, большие карие глаза, аккуратные черты. Но болезненно худой, что, как я догадывалась, становилось поводом для насмешек. Однажды, возвращаясь с учебы, я застала троих парней, лупящих его в траве. Я не помню, как подлетела, как разняла – только гнев в голосе:

– Вы мелкие поганцы! Как посмели тронуть моего брата?! Один на один – слабо?!

Двое зашипели от страха, третий попытался оправдаться:

– Да мы не всерьез...

– Не всерьез? Если хоть пуговица у него с рубашки оторвется – я вас из-под земли достану! Своими трусами удавлю, потом к вашим родителям пойду. Поняли?! – Они закивали. – Извиняться будете не мне, а ему. И если хоть косо посмотрите – я узнаю.

Они рассыпались в извинениях и сбежали. Дени просто кивнул. Мы пошли домой и больше к той теме не возвращались.

Иногда мне хотелось самой быть под защитой. Чтобы кто-то решал мои проблемы, заступался. Но старшим в семье не положено сдаваться. Зато можно молча страдать, пить чай баз сахара и рассказывать, как «в наше время» все было хуже. Приходилось вгрызаться, чтобы что-то получить.

Между мной и Дени всегда была особенная связь – мы понимали друг друга без слов. Могли сидеть на дереве, молча есть черешню, думая каждый о своем. А вот веселья хватало от двойняшек. Эти двое – ураган. Сари и Самир делали все вместе. Бывало, Сари пихала бабушкины протезы Самире в рот, пока мама не заметила. В паре командовала Сари: родилась раньше и по характеру была хитрее и смелее.

– Надо было мне на девчонок делать ставку, – смеялся отец. – За себя постоят и других отмутузят.

А мама снова забеременела. Все обрадовались, особенно отец и малыши. Мы с Дени отнеслись спокойно. Я знала – буду любить нового члена семьи, но втайне думала: «А потянем ли мы еще одного?» Ведь ресурсы не бесконечны.

На втором месяце врачи предупредили: ребенок может родиться с пороком сердца. Мама не хотела и слышать об аборте – верила, что все будет хорошо. Позже подтвердили. Это требовало не одной операции. Мы понимали: морально – тяжело, финансово – катастрофа.

Отец продал мастерскую в городе, устроился у дедушки в сарае. Часть инструментов – продал. Сумма была небольшой, но времени не было. Бабушка с дедушкой расширили огород – решили продавать овощи на рынке. Я хотела подрабатывать, но мама сказала: без меня с детьми не справится. Я и сама это понимала.

Роды были тяжелые. Всю ночь я не отходила от телефона. Под утро родилась Айла – лунная девочка с дыркой в сердце и глазами небесного цвета. Даже отец пошутил:

– Не перепутали ли нам ребенка?

Оказалось, такие глаза были у прабабушки.

Операция прошла успешно. Айле поставили платиновую спираль – не панацея, но шанс на нормальную жизнь. Она росла капризной, но невероятно красивой. Даже Дени, обычно сдержанный, сам просился нянчиться.

Но радость длилась недолго. Один день. Один вдох. И все снова разрушилось.

Айла закашлялась, начала синеть. Я была рядом, уложила ее, позвала маму. Больше ничего не могла сделать. Врачи сказали: рецидив. Возможно, потребуется еще одна операция. Возможно – не одна. Сердце может не выдержать обычной нагрузки.

Страх. Паника. Беспомощность.

Как возможно принять, что человек, которого ты любишь всем сердцем, – не вечен?

Несмотря на удары судьбы, жизнь продолжала двигаться. Я устроилась медсестрой в городской больнице – той самой, куда мы привозили Айлу на обследования. Это было удобно: я могла быть рядом и присматривать за ней. К сожалению, операция до сих пор была недоступна – мы все еще стояли в бесконечной очереди, поддерживая ее здоровье капельницами и препаратами. Иногда казалось, что мы навсегда застряли в этой воронке безнадежности. И все же в глубине души я надеялась, что однажды шторм утихнет.

Сегодня я зашла к подруге Айзе, чтобы попрощаться перед ее отъездом. У нее был маленький магазин уличной одежды – в полуподвальном помещении в центре. Рядом она оборудовала мини-студию. Иногда я становилась моделью для ее съемок, но только без лица – это было моим единственным условием. Деньги я не брала, но Айза регулярно дарила мне кеды или худи. И мне этого было более чем достаточно.

Мы дружили с Айзой с тех времен, как она переехала в город из села. Смелая, умная, с голубыми глазами и упрямым характером – мы сразу нашли общий язык. В моменты, когда мне нужно было просто исчезнуть из реальности, я приходила в студию, и мы валялись с ней на ковре, болтая ни о чем.

Вот и сейчас – лежим на полу, наевшись роллов, а на сердце – тянущая грусть. Они с семьей едут в Германию, где ее старшая сестра вышла замуж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.